

Извас Фрай

Ночь в Новом Орлеане

Извас Фрай

Ночь в Новом Орлеане

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Фрай И.

Ночь в Новом Орлеане / И. Фрай — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Наши дни. Новый Орлеан... Город, который живёт двойной жизнью. Одна его сторона - дневная, открытая для всех, простая и весёлая. Но другая - ночная - полная тайн и неожиданных сюрпризов... Сказка, переходящая в строгий драматический реализм. Любовный роман, переходящий в городскую легенду. Привидения, художники, живые мертвецы и уличные музыканты. Всё становится единым и сливается в одну удивительную историю о жизни и магии, о любви, и о смерти в стране ветров и закатов... Солнце заходит - начинается волшебная ночь...Содержит нецензурную брань.

© Фрай И., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Часть Первая

Божественная Радость

Представь, что я твой друг. Я уже много лет вместе с тобой и ты можешь доверить мне всё на свете. Теперь, представь, что я твой отец. Я заботился о тебе и не знал сна. Все, что я имел – я отдал тебе. Теперь, представь, что я – твой брат. Я всегда защищал тебя от врагов, и ты не знал страха, пока держался за мое плечо. Теперь же, сделай невозможное. Представь, что я – это ты.

В который раз я падаю со скалы в бездонную пропасть и разбиваюсь вдребезги, не оставляя и осколка. Это напоминает мне о мире, которому приказано, *блуждая* в пустоте, не зная ни покоя, ни цели. И если после этого ты все еще намерен это читать, то лучше не надо – побереги здравый рассудок для потомков. Ты смел, если продолжаешь читать. Так что, не трать мое время и лучше сгоняй на кухню за кофе. Все лучше, чем читать. Читать – удел безумных. Читать – слишком опасно. Слишком большой риск, что у тебя появится своё мнение.

А началось все с кофе, над которым я склонил голову. Я висел над полуполной чашкой с горьким кофе, думал, как приятно и уютно, удобно и комфортно, по-домашнему приятно было бы сейчас танцевать в петле. Но вместо этого, я сижу и сербаю кофе с печеньем, пристально разглядывая девушку, ради которой отказал себе в удовольствии не быть живым. Такая глупость! Самому не верится, что я способен на что-то не для себя. А все же, лучше посидеть. Ведь кто знает, что будет дальше?

– Нет! Я вам говорю, это полное безумие!

Улица города была уже готова вывернуться наизнанку, показывая всем, кто ещё смотрит, своё настоящее лицо. И лишь я, ослеплённый гневом, старательно не замечал той красоты, от которой меня отделяло лишь мнимое стекло, которое существует лишь тогда, когда я к нему прикасаюсь.

– Успокойся, чем спокойнее человек, тем дольше он живет. А ты пока мне нужен живым. А без безумия – жизнь не жизнь.

Мое лицо покраснело от гнева. Она выводила меня из себя и была тем единственным человеком, который бесил меня настолько, что я терял драгоценное самообладание и спокойствие. Как хорошо было бы, если бы не она. Тогда, жизнь потеряла бы весь свой смысл, и еще одним потребителем стало бы меньше. А так, она была единственным, что продолжало держать меня здесь, хоть и одним из факторов, почему я недолюбливал жизнь. Она потеряла контроль сразу же, как принесли меню. Я очень пожалел, что не приехал в этот город с феминисткой, которая бы работала сама и платила бы за себя в ресторанах. А так, мой кошелек терял вес. Все больше, больше... Принесли чек. Кошелек лишился последних денег и стал тем немногим кошельком из натуральной крокодильей кожи, которым приходилось быть пустыми.

– Да уж, после этого ужина мне будут сниться кошмары, где мой убитый бюджет будет преследовать меня с целью отомстить. И правильно сделает! А во всем виновата ты, голубка моя.

– Ой, успокойся! – Чарли сделала умиротворенное лицо, после очередного глотка капучино за десять моих долларов.

– Тебе легко говорить, душа моя, – вздохнул я. – Не ты платила.

– Ой все, прекрати! Мы в Новом Орлеане, а тебе жалко пары долларов на вечер.

– 118 долларов, – прочитал я, – плюс чаевые – 130!

– И тебе их жалко?

– Для тебя, дорогуша, мне, конечно же, не жалко. Но сделай мне одолжение, в следующий раз – пей кофе в кофейне напротив, а не здесь.

– Ну ладно-ладно. Все для тебя. А сколько времени? Уже, кажется поздно.

Я взглянул на часы. *Бесконечная* ночь.

- Без пяти двенадцать. Мы здесь почти четыре часа.
- Что?!
- Да уж, время течет быстро, пока мы говорим.
- И, что же теперь делать?
- А разве у нас много вариантов? Предлагаю идти домой.
- Can I help you? – Спросил неизвестно откуда вышедший официант.
- Yes, you can go to my ass! – Еле сдерживаясь, сказал ему я.

Схватив Чарли за руку, я потащил ее к выходу. Та лишь у самого выхода прокричала официанту:

- Sorry!

А когда мы вышли на ярко освещенную, ночную улицу Нового Орлеана, она, с горечью и легким гневом, спросила:

- Зачем, ну зачем ты нагрубил ему?!
- Он меня достал этой фразой: «Can I help you?». Да пошел он!
- Меня тоже он бесит, но разве я не могу сдержать гнев?!
- Можешь. Но теперь, мы идем домой.

Я, уже нежно, взял ее за руку и повел по улице, полной золотых фонарей. Вокруг нас то и дело проходили люди, гудели машины, рестораны и кафе все работали и работали, предлагая своим гостям настоящую, и не настоящую, американскую, и не американскую еду, привлекая посетителей громкой музыкой, джазовыми аккордами, которые сломали бы даже сильных, и стойких, увлекая их внутрь.

Я бы и сам зашел, но все же, жадность побеждает все чувства и желания. Даже желание быть счастливым и делать счастливой Чарли. Хотя она и так радовалась досыта. Я думал, что на мою зарплату, мы с Чарли не будем иметь нужды в деньгах. И тут появляется Новый Орлеан, с его благами и ценностями, лёгок на помине! Люди, живущие здесь всю жизнь, имеют стальные нервы, сражаясь с жадностью и посвящая удовольствиям всю свою жизнь. Но я не родился в Новом Орлеане, для меня всю жизнь посвятить радости – безумие, а бороться всю жизнь за нее – цель. Не знаю как, но афроамериканцы, живущие здесь, намного умнее меня.

Наконец-то, после долгой ходьбы по шумному, тесному и непутному, человеческому городу, мы пришли в сравнительно небольшое, десятиэтажное здание, куда нас, несколько месяцев назад, привел риелтор. Мы купили здесь квартиру. И живем здесь в такой любви и согласии, что скоро будем подмешивать цианид в утренний кофе друг другу.

Это был хороший выбор, относительно жилья. Так как кто мог подумать, что нашими соседями окажутся две девушки русистки. С ними было приятно общаться, и начало нашей дружбы было лишь вопросом времени, а точнее, двенадцати с половиной минут.

Оказавшись в коридоре нашей берлоги, и проходя *по* мучительным сантиметрам нашего пола, первым, что я увидел, была «Звездная ночь» Ван Гога, естественно, не оригинал. Обычно, она меня вдохновляла. Таинственное дерево на переднем плане привлекали заглянуть дальше. Ветер и свет на втором плане мутили сознание и клонили в сладкий сон зрителя. Маленький город на третьем плане вызывал у любого, даже домочадца, внезапное желание бросить все и уехать куда-то далеко, и держится довольно долго – с полсекунды. Восхитительной секунды! А поля и горы четвертого плана создавали впечатление чего-то родного и спокойного, что было бы близко любому сердцу искушенного зрителя. Именно поэтому, испытав все эти чувства, я бросил на картину мимоходный взгляд и тут же убрал глаза, чтобы больше, никогда этого не видеть, и упал на пол. Я не мог сдерживать слюну, и она потекла из моего рта. Я выглядел жалко и противно, но если не убрать глаза и не пнуть меня от отвращения в первую секунду, то появится желание укрыть меня одеялом и сказать всем окружающим: «Тихо, противные человеки, слюнявый ангел уснул!».

Я устал от жизни. От этого города. От этого Ван Гога, которым я восхищался, но теперь не вызывавший у меня ничего, кроме отвращения. Нет, нужно выкинуть эту картину. Скоро! Потом. Завтра, которое не наступит никогда. У моей спутницы было больше сил. Она дошла аж до кровати, пытаясь не смотреть на эту картину, отпугивающую гостей, после чего повторила все мои действия в идеальной точности. Я никогда не перестану удивляться её силе и стойкости.

Но я, всё же, нашел силы ногой захлопнуть дверь, а потом бревном докатиться до кровати, после чего, силы у меня были только на длинный и сладкий сон.

Пробудившись, я, под наркозом безумия, спросонок, начал вспоминать Есенина:

*-И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь.
Кто любил, уж тот любить не сможет,
Кто сгорел, того не подожжешь.*

Со мной такое бывает. Возраст тот, когда весь мир болит. Лет так от двенадцати до довольно еще юного возраста семидесяти одного года. Потом, уже все путем. Если не умрешь раньше. А если не умрешь, так и не до жизни будет. А потом я заметил, что встал с левой ноги.

– Черт, – тихо, но сердито. Лаконично и ясно молвил мой суеверный я.

– Не чертыхайся! – закричала Чарли с кухни.

И тут в дверь кто-то позвонил. Кому нужно приходить в гости в двенадцать часов утра?! И как мне теперь пройти по *лабиринту* собственной комнаты?! Совсем не знают чувство такта. Но, тем не менее, моя девушка открывает дверь и из их девичьего разговора до меня доносится фраза: «...пьяная шахматистка приползла домой на четвереньках, утверждая, что королева как хочет, так и ходит...».

– Это ты про себя? – добавляю и со смехом иду встречать гостей.

– Ты бы хоть трусы надел, – сказала наша гостья.

Я посмотрел вниз.

Было прекрасное утро. Томик Сартра мирно лежал на чистом столе рядом с чашкой кофе. За окном светило солнышко. От Миссисипи доходил запах свежей, утренней воды. На улице играли свинг. Это было бы идеальное утро, если бы я не вышел встречать гостей без трусов.

Увидев внизу то, что сейчас я хотел видеть меньше всего, я запищал и бросился в комнату, где натянул на себя штаны, майку, футболку, носки и халат сверху. Притом сделав это меньше, чем за десять секунд. Моей реакции позавидовал бы любой пожарник. Секрет: необычайный стыд.

Очень скоро я снова вышел в коридор, чтобы показаться девушкам.

– Я извиняюсь, что прервала вас от очень важного дела.

– Да нет, ты нас не прервала.

– Да? – Она улыбчиво посмотрела на меня, – но я просто не могла не прийти к вам, чтобы отпраздновать ваш праздник.

– Какой такой праздник?

– А вы разве забыли? Боже мой, как можно иметь такую память! Я же говорила, Чарли, что у твоего домашнего мужчины нет способности запоминать информацию.

– Да не томи, говори уже, что за праздник!

– Да что тут говорить. Как-никак, три недели назад мы познакомились.

– Ах, да ты же, вроде, вчера приходила праздновать двадцать дней, – тяжело вздохнул я, но тут же взбодрился, так как слишком тяжелая жизнь рано, или поздно, приводит к эйфории, а радоваться мне сейчас никак нельзя.

– Ну что, куда пойдем? – спросила гостья.

– О-о-о нет! Я уже не могуечно водить вас по ресторанам! Мой бумажник не резиновый, если вы возомнили, что я миллионер! Я не могу, сколько бы я не зарабатывал, тратить столько денег на подобные глупости, только для того, чтобы праздновать каждый день с той минуты, когда мы встретились. Ты просто приходишь поесть за нас счёт!

– Молчать!!! – с раздражением заорала на меня Чарли, – не смей так говорить с моими подругами, я же не говорю так с твоими друзьями!

– И да, дорогуша, сегодня гуляем за мой счёт, если уж такой нервный.

– А вот это другое дело. Вот это я понимаю! Давно бы так! И кстати, чего мы говорим?! Собираемся и идем, я проголодался!

– Да-да, пошли, только дай Чарли собраться.

– О-о-о, тогда, наверное, пойду, пожарю яичницу и сварю кофе. А заодно успею посмотреть пару фильмов, так как это продлится до обеда.

Она снова зло посмотрела на меня.

– Что? Да, такой у меня нрав. Знаю, очень невежественный характер, но могла бы привыкнуть за это время.

– Хватит, я почти собралась, только крашусь и в путь. Я, в отличие от тебя, вместо того, что бы дрыхнуть, зря времени не теряю.

– Ладно, – вздохнул я, – и куда мы пойдем?

– На Бурбон-стрит, конечно же! Куда еще можно пойти?!

– Ну, знаешь, Новый Орлеан не ограничивается одной улицей.

– Он ограничивается одной пристойной улицей.

– Так почему мы идем не на неё, а на Бурбон-стрит? Или ты называешь Бурбон-стрит пристойным местом? Уж могу представить, каким бы был этот город, если бы Бурбон-стрит считали пристойным местом.

– У тебя есть варианты получше?

– Хорошо, Джесс, пошли на Бурбон-стрит!– С восторгом сказала то самое существо, которое обитает в моей квартире, носит мою одежду, спит на моей кровати, ест мою еду из моей миски, диктует мне условия моей жизни и называется моей девушкой.

Эти двое справились минут за сорок, что определённо было рекордом. Мы оставили это жилище, куда завлекла меня многострадальная нить Ариадны и откуда мне уже не выбраться никогда. И я обречен навеки ходить с ними по ресторанам. Нет, эта жизнь должна быть создана для большего, чем всякие рутинные праздники. Но собственно, где это самое «больше», которое мне обещали?! Вот-вот, а я о чём же.

У самого лифта нам на встречу вышла фигура, заключенная в белое. Только волосы были у неё ненатурально светлые. Вся замкнутая и вечна чем-то разочарованная, сразу вызвала ассоциации с призраками американских многоэтажек, а потом оказывалось, что это обычный человек, который ходит на ногах, слушает альтернативный рок как и все люди. Какими странными иногда бывают скромные обитатели мира сего.

И такая персона никак не могла скрыться от взглядов мои мучениц. Заранее была обречена. Вот и попала в цепи, добыча ты славная.

– Эй, Лида!

Ещё одна иммигрантка. Вовремя сбежала, счастливица.

– Да, – равнодушно отозвалась она.

– Пойдешь с нами?

– А вы куда?

– В бар.

– Пойдём.

Как всё просто и одновременно тошнотворно.

В такой ситуации, не хватает только надписи: «Помогите Доре и Башмачку найти бар, чтобы набухаться, в честь трех недель нашего знакомства». Какой ужас. Границы моего *собственного* отвращения было сложно установить. Все женские разговоры похожи и краткое их содержание несколькими строками выше. Да, куда подевалась Джейн Остин?

Мы зашли в какое-то кафе на центральной улице Нового Орлеана, являющей собой всё распутное и человеческое, что представлял собой этот город. Толпы людей ежедневно. Чёрные уличные музыканты. Танцоры. Шум. Дым. Пончики. Кальян. Во всей этой суматохе, это переполненное кафе казалось приличным местом. Мы заняли единственный свободный столик и открыли меню.

– Дорогой, ты будешь кровяницу? – спросила Чарли.

– Кровяницу?! Не предлагай мне больше никогда кровяницу! Кровь на то и кровь, чтобы в приливе ярости и скорби, пить ее сырой, и только из любимых. Кровь врагов горчит – это общеизвестный факт. Так что, я, пожалуй, откажусь, даже не смотря на то, что Джесс угощает. А тебе, дорогуша, я советую быть начеку! У меня острые зубы.

– Буду, не переживай. Только, пожалуйста, ты же мальчик, а разводишь демагогию, как шестиклассница. Будь любезен, нам нас хватает.

– Постараюсь, – соврал я.

Остаток праздничного обеда, я провел в приступах *сознания*, мучительных для меня. Трое моих спутниц, к глубочайшему моему удивлению, предпочитали молчать. Это был счастливый момент, когда я наслаждался вкусной едой за чужой счет в переполненном кафе. В это время я ни о чем не думал, разве что, о том, сколько нужно досолить и поперчить. А это чрезвычайно важно, давать человеку, особенно, такому, как я, возможность не думать ни о чем. Но все же, почему они молчали? За все-то время, что мы были знакомы, у меня сложилось четкое мнение, что эти трое просто не умеют молчать. Но я ошибался. Человек – вообще странная штука. Казалось, знаешь его, хоть и недолго знаком, и тут бац, и он поворачивается к тебе другим боком. И теперь, он другой. Знакомый незнакомец. Вот такой этот банальный человек. При всем этом, мои спутницы не просто молчали. Особенность их молчания заключалась в том, что каждый молчал о своем. Джесс молчала о пустых бутылках от виски, о бесконечной депрессии, ставшей её жизнью и о вечных поисках самой себя, или хоть чего-то, за гранью между реальностью и трезвостью. О городе, утонувшем в бутылках. Лида молчала о зеленом чае, о фиолетовых облаках, нависающих над Новым Орлеаном. О тайне, которую клянутся не выдавать новоорлеанцы, то есть о том, что все веселие, правящее здесь безраздельно – лишь притворство, под которым скрывается стерильная тоска. Чарли молчала о кофе. О чём еще может молчать эта вечная маленькая девочка, которую я буду называть девочкой и в шестьдесят, и в семьдесят лет, так как такие люди не могут постареть. Телом они могут увянуть, но душой – никогда. Её не волнуют и не могут волновать проблемы. Какие могут быть проблемы у малышки?! Единственное, что связывает её крылья и держит на земле, это скромный, чёрного цвета напиток. С виду – ничего особенного. Ну напиток, ну горячий, ну вкусный. Что в этом особенного?! Но без него – разве может существовать этот ангел? Мне иногда кажется, что она сама сделана из кофе. Сплетенная под меня иллюзия. Может я прав. Может, и нет. Я не знаю. Ничего я не знаю. Об этом молчал я.

Мы долго сидели в тишине. И каждый о своём. И вот, мы покончили с обедом, расплатились по счету и вышли на улицу, на которой вовсю лил сильный дождь.

– Но в прогнозе нам обещали жаркий день! – возразила жизненному факту Лида.

– Мало ли, что написали в прогнозе. Эти американцы ничего не знают, да и очень – это вещь переметчивая. Никогда не знаешь, чего ожидать от этой вечной истерички. – Объяснил я.

Поднялся ветер. Сильный ветер. И тут, в мою голову прилетела мысль, которую ветры принесли сюда со всех концов Земного шара специально для меня. Я понял, что никого на

улице нет, кроме нас. Никого. Вообще. Как будто их и не было вовсе. Впервые, Новый Орлеан замолчал.

Это, определенно, город-призрак. И никак не та старая добрая столица штата Луизиана, в которой мы живем. Это совсем другая реальность. Странная. Непонятная. И... прекрасная. Особенно под мириадами маленьких зеркал. Здесь можно было исчезнуть навсегда. И быть, в тоже время, повсюду.

После этих мыслей, я увидел странную картину: собака залаяла в пустоту. Казалось, дело житейское, но... она кричала в пустоту, как будто гнала кого-то. Но наваждение быстро рассеялось. Дождь прекратился так же внезапно, как и появился, оставив нас одних, оцепеневших от удивления. Не от страха. А от удивления.

Удивляться, конечно же, всегда приятно и вообще, это лучшая часть дня, но не в этот раз. Теперь на этих улицах снова хлынули волны людей.

– Мне одной кажется, что произошло нечто страшное? – тихо и робко поинтересовалась Лида.

– Вам тоже показалось, что людей не было?

– И что дождь был совсем уж недолговечным?

– То, что дождь шел совсем немного и что на улицах не было людей объяснить можно, – начала Чарли, – люди просто спрятались от дождя, и в этом нет ничего ненормального, а потом все снова затопали по своим делам. А дожди, открою секрет, бывают очень короткими. Это вещь нередкая и вполне объяснимая, но можно ли объяснить...

Тут она сделала паузу.

– Что? – прервала молчание Джесс.

– Ничего... мне просто ветер показался странным. Он был... неестественным, таинственным и властным, как будто он один здесь хозяин и никого вообще, кроме него, здесь нет. Но не обращайтесь внимания. Это мои мысли, которые вечно склонны все утрировать. – Но в ее словах явно слышалась нотка тревоги. Что же так ее взволновало?

Мы пошли дальше по этой улочке, промокнув насквозь и оккупированной радугами, и солнечными лучами. Я тихо прошептал Чарли на ухо:

– Мне тоже так показалось.

Она удивленно посмотрела на меня, дескать, о чём ты? Но лгать она не умела, и я очень быстро догадался, что за этим спокойным лицом скрыта тревога, которую я не мог понять. Но рассудив, я обнял ее на ходу одной рукой и добавил:

– Но не бойся. Что бы ни произошло, ты всегда можешь положиться на меня, я спасу твою задницу. И ничего не произойдет. Ничего особенного. – Верил ли я сам себе?

Она оттолкнула меня и укоризненно взглянула. Как бы говоря: не сквернословь. Я засмеялся. Ведь нецензурная лексика, как раз стихия Чарли. Слышал бы ты, как она ярко и сочно выражает чувства, когда срывает с себя намазанные воском бумажки. Конечно же, на людях, она скромная и сдержанная. Но не многие знают ее истинное лицо.

Она тоже улыбнулась, правда слабо. Ну и пусть. Зато эта улыбка достаточно убедила меня в том, что она спокойна. И в этот момент, я почувствовал легкий как дуновение ветра, поцелуй в щеку.

Наконец, придя домой, мы разошлись по своим квартирам, все мокрые до нитки. Переодевшись, я решил, что самое время пить кофе, но, так как здесь Джесс уже пила кофе, значит, пора наведаться в гости.

Чистые и отдохнувшие, мы с Чарли позвонили в квартиру Джесс, где она нас встретила в одних трусах и майке. В отличие от нас, она не сильно заботилась о своем внешнем виде, хоть, признаюсь, была довольно богата, что могла даже позволить себе не работать и жить исключительно в свое удовольствие.

– А который час? – сонно спросила она, нисколько не удивившись нашему приходу, побольше бы таких гостеприимных людей.

– Шесть с копейками. Как же быстро день прошел.

– Как шесть? Всего лишь шесть?

– Да, а что такого?

– Просто темно.

– Осенью в это время всегда темно.

– Ах да, уже осень.

– Уже два месяца, представляешь?!

– Да уж, нужно привыкать к длинным вечерам и смене климата. Скоро здесь будет аж 23 по Цельсию. Холодрыга! Ну ладно, заходите уже на кофе.

Она освободила дорогу и протянула руку, приглашая нас в дом.

Если смотреть на квартиру этой незастенчивой девушки наискось, то можно явно заметить её пристрастие к слабоалкогольным напиткам и никотину, некультурность, аморальность и полное бесчестие. Но на второй взгляд перед глазами возникает совсем другая реальность: картины Поля Гогена идеально сочетались в ее обоях разнообразных и неповторимых узоров, в которых терялись глаза. Картины были дополнениями обоев, а обои были частью картин. Это идеальная гармония, которую не смог бы создать даже дизайнер с многолетним стажем. В этом месте было и противно, и уютно. Отсюда хотелось убежать, но заглядывать почаще. Несомненно, это было уникальное место, которое нужно обязательно облить бензином и сжечь. Обязательно! Таких мест не должно быть на нашей неидеальной Земле.

Дополняло картину кошачья шерсть, дополнявшая мусор на полу. И в самом деле, через несколько секунд после ощущения калокагатии, перед нашим взором предстал кот в монокле и с гордым видом уставился на нас. Это была рыжая, как оказалось, кошка с голубыми глазами. Но гордый вид она от этого не теряла.

– О, а я *не* знала, что у тебя есть кошка! – вскрикнула Джесс.

– Я и сама не знала до вчерашнего дня, когда обнаружила ее у себя дома.

– То есть, это сама пришла?

– Да.

– Но как?

– Сама не знаю. Видимо, коты в этом деле лучше нас, людей. Не понимаю, почему она выбрала именно меня? Но, не желая ввязываться в эти длинные поиски смысла, я просто приютила ее.

– А если у неё есть хозяин?

– Безусловно, был. Но кошка уходит от хозяина, только если он умер, или был плохим хозяином. Так или иначе, но кошка выбрала меня и теперь мы живем вместе.

– И как же ты ее назвала?

– Снорри.

– Снорри?! Почему?

– В честь скальда Снорри Стурлусона.

– Ну, он же мальчик, а она девочка.

– Мне все равно, Снорри может быть и девочкой. По крайней мере, Снорри не против.

– Откуда ты знаешь?

– Поверь, уж я разбираюсь в кошках и если бы Снорри не нравилось её имя, она бы сделала мне какую-то пакость. Но прошло больше суток и ничего не произошло.

– Не думаю, что в твоём доме можно заметить пропажу, или поломку. Тут нечему пропадать и нечему ломаться – тут все разбросанно и сломано.

– Однако вы пришли сюда по своей воле.

– Невозможно отказаться от такого приятного места. Особенно от того, что здесь готовят.

Джесс с пониманием кивнула.

Мы все же зашли на окаянную кухню. Джесс тут же взяла в руки джезvu, а что было дальше выходит за рамки традиционного человеческого понимания, так как кофе у Джесс – это кофе у Джесс и этим все сказано.

Джесс признавала только кофе, сваренный в джезве. Остальной же кофе она называла «недокофе», обращалось к нему на «оно» и постоянно твердила, что «это кофе необходимо уничтожить, сжечь, спить собакам!» вот такой она была. Как я ещё продолжаю с ней общаться? Наверное, потому, что мои тараканы были куда страшнее её.

Через пять минут варки, кофе был готов. Джесс поднесла к нам чашку, которую я раньше не *видел*, где я прочел:

...all these moments by lost in time...

Возможно, эти моменты и будут бесследно потеряны во времени, но запах их этой квартиры не уйдет и через сто лет. Здесь всегда будет пахнуть кофе, котом, теплом. И никогда и никто здесь не будет испытывать настоящего горя. Это место не для горя. Это место для отдыха души.

Невольно начинаю вспоминать, как сегодня проходил пиццерию. Что о ней можно сказать? Обыкновенная пиццерия, ничем не примечательная. Таких много и в городе и в штатах. Но всё же... там всегда пахло свежей пиццей, а не теми вонючими лепешками, которых называют «пиццами». Там всегда пахло свежим кофе. Смехом. Слышен был мелодичный итальянский язык и приятные слуху старые, итальянские песни. Беззаботное место. Там, как и здесь, нет места политике. Проблемы забываются и становятся прозрачными, как воздух. Выйти, правда, можно с полным животом, жирным, полным брюхом пиццы и крепким эспрессо, что всю ночь не сможешь уснуть. Но зато гарантированно счастливым. Какие странные и необъяснимые вещи делают с людьми такие обычные места. Как, например, эта квартира.

Чашка была уже наполовину пустой, а мы не проронили и слова. И хорошо. Зачем слова? Для чего они нужны? Разве слова – это не концепция пустых звуков, которые мы воспринимаем, как информацию? Слова – лишь бессмыслица, которой мы придаем слишком большое значение. Настоящие друзья могут разговаривать без слов. Зачем слова?

Возможно, мой рассудок был помутнен тяжестью дня и в мою голову приходили всякие дикости. Выше перечисленное – лишь малая часть всего. Остановить меня не могло ничто, кроме одного маленького пучка меха, которое поневоле, было названо Снорри. Она мяукала, призывая к себе внимание. Я неохотно и лениво посмотрел в сторону этого хищного зверя и понял, что это зверь может быть охотником только за человеческим одиночеством и тоской. Она разрывала их и беспощадно кромсала. Оставляя человеку ничего, кроме беспричинного счастья. Я улыбнулся. А что оставалось делать? Поддаться *безумию*? Когда в четырнадцатом веке мировой эпидемией была черная смерть, сейчас же наша кара – это серая жизнь. Притом осознание этого – в средние века такого не было. Но. Если черную смерть победить было нельзя и лишь волей случая человеческая иммунная система выработала противоядие, то лекарство от серой жизни есть. Но должен признать, добыть его в наше время дело не из простых. Вылечиться можно беспричинной радостью. Не на комеди-шоу и не в клубах. Это принужденный смех. Не принужденный – это когда ты понимаешь, что все плохо, но тебе все равно хорошо. Смех без причины – признак здорового человека. Дураки – это те, кто смеются в специально отведенных для этого местах и тратят много денег, чтобы их веселили и смешили. Настоящее счастье – это то, что сидит у тебя на коленках и ласково мяукает, или прислонилась к твоему плечу, чтобы согреться в холодный осенний вечер. Вся жизнь – сплошная боль, но все не так уж и плохо...

Верь мне. Это последнее, что осталось.

Покончив с кофе, Джесс спросила:

– Не хотите чего-нибудь еще?

– Нет, – сухо сказал я, – этого хватит.

Кошка миролюбиво слезла с моих колен.

– Ну что ж, нам пора, – тем же голосом сообщил я.

– Уже?

– Да, как раз время.

С тяжелым сердцем и я, и Чарли переступили порог ее дома. Что и сказать, на самом деле, покидать рай – вещь не приятная. А главное ради чего? Чтобы вернуться в такой знакомый и до того скучный дом?! Нет, уж лучше кинуть всё. Собрать, как ёжик, грибы в мешочек и уйти в туман. И не вернуться никогда. Потеряться. И найти себя и своё место. Это очень старая сказка, но как хорошая история – на все времена. Всегда завидовал этому ёжику. Стать ёжиком удел младенческих грёз. Но было много вещей, не позволяющие мне сдвинуться с места. Связывающие, липкие цепи. Я не мог быть как ёжик. Слишком много людей привязано ко мне, а я привязан к ним. И если мои ноги против моей воли отправят меня в великое путешествие, мне придется сломать их. Потому что кем я стану, если покину их? Они же мое всё. Она моё всё.

Но не прошло и нескольких секунд, как пройдя сквозь зеленую дверь, мы оказались дома. Что такое дом? Это место за зелёной дверью, которая хоть и встречается нечасто, но всегда открыта только для Тебя. Ей нет дела до твоих ошибок и твоих побед. Ты просто ей нравишься. Она создана для тебя. Ей не нужен никто, кроме тебя. Ты нужен ей.

В своей квартире мы занимались своими обычными делами. Ничего особенного, что требовало детальных пояснений, и разъяснений в них нет. Зато жизнь Чарли наедине с самой собой, вызывает у меня особый интерес.

Чем люди занимается, когда остаются совершенно одни? О чём каждый из них думает, ведь каждый это личность со своими проблемами. Как бы то ни было, но пустота есть внутри у каждого. И время от времени нужно её чем-нибудь заполнить. Кто-то забивает её вещами. Некоторые пустыми развлечениями. Очень часто бывает, что её заполняют другими людьми, еще более жалкими. Но Джесс была не такой. У неё не было прихоти к вещам. От пустых развлечений её тошнило. И не было людей, которыми она могла бы заполнить дыру в душе. В этом она была не одна. Люди страдают от зудящей боли, приносимой одиночеством. Эти звери не знают другого выхода, как медленное забвение. Они пьют. *Своему* желанию, они уделяли больше времени, чем себе самим. Джесс тоже пьёт, да посильнее русского. Они курят. День заблудшей души не может считаться днём без двух пачек сигарет. Вот и сейчас Джесс готовилась к одиноким скитаниям по этому миру, где ей так не повезло родиться.

Ночной город встретил её гулом машин и сравнительной, ночной тишиной. Ночь – вообще странное время. Кто-то, как Лида, уже отмучались за день и смыв его, готовятся ко сну. У кого-то, как у меня, кипит чай, обещая сделать вечер теплым и полным житейской радости, и фантазиями. А кто-то надевает на плече кожаную куртку. На кулак кастет, в рот сигарету. Ночь не терпит слабаков, но уважает сильных. Джесс готова идти. Она всегда была готова. Эта симпатичная брюнетка довольно быстро прошла по переулку и очутилась на ярко освещенной улице, напрочь забитую машинами. Было довольно влажно. Она шла вперед, опустив голову вниз, и о чём-то оживленно размышляла. Могу догадаться, что она посылала весь этот город. Посылала чернокожих. Посылала эту улицу. Посылала это небо. Этот штат. Это страну. Зачем мелочиться? Особенно в таких вещах не стоит. Правда, хорошо, что не вслух.

Достигнув конечного пункта назначения, Джесс осмотрела здание, куда привела её нелегкая. Вывеска «The Spotted Cat Music Club» мерцала яркими огнями. Это всегда оживлённое место. Но, не смотря на это, здесь всегда хочется умереть. Это было маленькое здание, каких много в Новом Орлеане. На втором этаже по краям было две двери и два окна. Флажок с большой заглавной буквой «S», казалось, был символом слова «суицид».

На стене висели картины. Интерьер напоминал галерею. Играла какая-то афроамериканская группа. Естественно, джаз. Нет здесь ему *конца*.

С чем можно сравнить время ожидания в тесной картинной галерее, под мелодичный джаз? Когда вокруг дышит память. Импрешен. Впечатление. Этот момент сравним с остановкой времени под джазовый аккорд. В этот момент невозможно думать о проблемах. Когда везде «все, что лежит под солнцем», как говорил Бойс. Когда мысли растворяются в усыпляющей атмосфере. Когда на холсте линии превращаются в картины. Этот момент сравним с ожиданием. Ожиданием вечности.

В баре играла лёгкая музыка, чем-то напоминающая смесь блюза и свинга. У барной стойки сидело двое мужчин. Один был в старом пальто и в руках держал импортный виски. Вероятно недешёвый. Он пил его медленно, растягивая мгновения, смакуя. Как можно смаковать виски? Для Джесс это было непонятно, но, тем не менее, именно это делал старомодный тип. Второй был уже пьян. От него воняло за три шага. Его одежда напоминала мусорный мешок, а его лицо картофельные стружки. Его пальцы сосисками свисали со стола. Грязные ногти. Жир так и стекал по ним на пол.

Но он был спокоен и бармен его не трогал.

Джесс села между ними. Не потому что не было свободных мест. Просто уж слишком парень с виски заинтересовал ее. Её любопытство было сильнее, чем отвращение к парню справа. Что-то в чудике с виски было странное, манящее. Загадочное. За его плечами, вероятно, было немало житейского опыта, хоть с виду он был очень молод, и, казалось, он только два года назад перешел барьер 21+.

Сколько было всего в его виде! Он был на одно лицо с Джеральдом Батлером и в тоже время, так от него отличался. Три складки на его лбу. Они не были отталкивающими, они выражали его темное, болезненное прошлое. Они как дюны в пустыне выражали его мужской лоб. Короткие черные волосы. Они сливались с безлунной ночью и стремились ввысь. Большие волосы стремятся вниз и скрывают человека, закрывая его. Короткие волосы впускали в себя вселенную, направляя душу к звёздам. Густые брови защищали его мраморные глаза. Они смотрели на бутылку с сожалением. Ведь ясно, что он что-то ищет и не как не может найти. Вся его жизнь – поиск. Вечная служба, к которой он принудил себя сам. Глаза не смотрели на соседку, но Джесс чувствовала, что они прожигают её насквозь.

Когда Кришна открыл рот, люди увидели в его глотке не язык и не слюни, а целую вселенную со звёздами и мириадами галактик. Они растворились в ней. Так и Джесс увидела в глазах соседа необъятные миры, которые манили своей красотой, и отталкивали, поражая своей бесконечностью.

Короткие усы, бакенбарды и борода сливались воедино. Все его яство было сосредоточено на бутылке. Бутылка была его всем. Возможно последним, что осталось. Она не знала. Откуда ей было знать? И всё же, ей казалось, что она знала этого парня еще до рождения. Как второе Я. Бутылка была его миром. Что может быть интереснее бутылки? Бутылка молчит и всегда готова выслушать. Виски не задает глупых вопросов. Он понимает тебя с полуслова. Виски успокоит. Виски наполнит твою жизнь смыслом. Виски сделает тебя счастливым. Он – твой лучший друг. Ты ему нужен, а он нужен тебе. **И** если он тебе понадобится – он тут как тут. И что же получается, виски – во много раз лучше человека?

Да.

Безусловно.

Мужчина справа проявил признаки жизни, запрокинув левую руку нашей героине на плечо. Следующим шагом был поцелуй. Джесс ударила его по лицу. Тот взвыл от ярости и ударил в ответ чуть ли не на порядок сильнее. Джесс упала на пол, но нападающему было мало. Из его гадкого костюма донеслись световые блики ножа.

Мужчина слева схватил нападающего за запястье и сильно его сжал. Тот обмяк, выронил нож и упал замертво.

Он убил его одним прикосновением. Кто он?

– Спасибо, – тихо поблагодарила Джесс, еще не отойдя от недавно случившегося, что совсем не заметила, что говорит по-русски, а откуда парню знать её язык?

– Не за что, – сказал он с чистым акцентом, – я влюбился в это место, всего один раз зайдя сюда и увидев Блока на одной из салфеток, – продолжал он, помогая ей встать.

– Блока?

– Да. На английском. «Ночь, улица, фонарь, аптека». Я до сих пор нашу с собой эту салфетку.

Он протянул ей старую бумажку, на которой ручкой, чёрными чернилами по красному было написано:

A night, a street, a lamp, a drugstore

A meaningless and dismal light

A quarter century outpours —

It's all the same. No chance to flight.

You'd die and rise anew, begotten.

All would repeat as ever might:

The street, the icy rippled water,

The store, the lamp, the lonely night.

– Лучшее стихотворение на все времена! – сказал он.

– Почему?

– За последний год я был вменяемым и бодрым не больше десяти минут. И то только когда читал этот стих на всех языках. Мой любимый – итальянский.

И только сейчас Джесс заметила, что они разговаривают на русском.

– Вы знаете русский?

– Я тоже хотел спросить это у вас. Не часто встретишь русского в Новом Орлеане. Так что, я удивлен не меньше вашего.

– А вы часто здесь бываете? Я вас раньше не видела.

– Нет, я здесь впервые. Люблю джаз и виски. А тут и первого, и второго хватает.

– А котов?

– И котов тоже.

Джесс под села поближе. Как по вызову, к ним подошел официант.

– Только виски, – попросила Джесс.

– Окай, – только и ответил он, доставая стакан, и бросая туда лед, параллельно заливая это Джеком Дэниэлсом. Этот напиток безжалостно уничтожает мозговые клетки и вырабатывает такую волну непонятных гормонов, что уменьшает продолжительность жизни на пару дней. При больших дозах – на пару лет. Как раз то, что нужно!

Загадочный парень продолжал пить виски, нисколько не обращая внимания на свою соседку. Поэтому, сделав глоток для храбрости, она начала:

– А вы часто бываете в Новом Орлеане. Даже не пытайтесь сказать, что местный. По вам видно, что это не так.

– И не буду. Здесь я бываю, как и в других городах, довольно часто.

– Ты много путешествуешь?

– Во много раз больше любого путешественника.

– Значит, ты богат.

– Нет. Скажу точнее: порой, у меня вообще нет денег. Они мне просто не нужны. И я никогда не понимал людей. Они так гонятся за своими деньгами, что совсем забывают помнить о смерти и как говорят французы: «*Memento mori*». Как глупо. Но в тоже время, если бы они *не* были глупыми, жилось бы куда хуже. А тупость, порой, играет огромную роль в процветании. А за деньги, разве что, можно купить виски и билет на самолет, который я, честно говоря, просто обожаю. Но и без него можно обойтись. Понимаете?

– Да. Но если ты беден, тогда как ты путешествуешь?

– А для этого не нужны деньги. Достаточно желания. Против человеческого желания не выстоит ни одна гора. Если человеку нужно будет пробить насквозь гору в буквальном смысле, то он сделает это, если захочет. Для путешествия нужен лишь попутный ветер, а в моем случае, он всегда попутный. И во-вторых: я не беден. Я богаче всех людей в этом мире вместе взятых.

– И денег у тебя нет.

– Но не потому, что я не могу их получить, а потому, что мне лень. У меня есть более важные дела, чем работать, не зная для чего. Например, пить виски. Если я захочу, то мое состояние будут измерять килограммами золота. Просто лень тащить все эти деньги за собой.

– Только по этому?

– Не только, но в основном.

– А кем ты работаешь?

– Моя профессия очень сложна и утомительна. Но если я брошу её, то все человечество пострадает. А я очень люблю людей.

– А ты читаешь книги?

– Скажу точнее: нет книги, которую я бы не прочитал.

– А ты помнишь один из своих любимых стихов?

– Я *знал* их все. И у меня нет любимого стиха. Впрочем, я знаю один, который будет тебе интересен.

Джесс залпом, прямо из горлышка, отхлебнула Джека Дэниэлса, что чуть не опустошила бутылку.

*Если жизнь, в который раз,
Привела тебя на дно бутылки,
Если сто раз ударила тебя,
Если проблемы не просты
И ты идешь, не помня уже, куда,
И в жизни видишь только смерть,
Если шоколад кислым стал,
И куришь ты, уже не зная,
Для чего?*

*Если ждать уже невмочь,
Если время тебя убило,
Если перестал ты,*

*Кофе аромат ощущать,
Только одно тебя не предаст,
Только одно тебя не бросит
И не плюнет в глаз,
И только она –
Тишина.*

*Тишина рассвета,
Тишина заката,
Тишина разрывающей мечты,
Тишина дождя,
Тишина огня
И если нашел в себе ты силы,
То виски – снова виски,
И кофе – снова аромат,
А жизнь, вновь жизнь опять.
А если нет – прощай,
Ты был мил и был прекрасен,
Но не смог ты жить,
А значит,
Только смерть тебе открыта
И ничего не сможешь ты узнать,
Лишь в вечности сольешься
С пустотой,
А если да – живи опять.*

Джесс ничего не сказала. А что она могла сказать? Она не спросила, кто автор. Зачем? Она и так это знала. Это была она. Её старый стих. Он знал о ней все. Но это не пугало её, скорее, лишь нагнетало воспоминания. Несмотря на колоссальную дозу Дэниэлса, она была трезва. Вот уж не могла она подумать, что люди читают её мысли, как утренние газеты.

– Кто автор? – все же спросила она.

– Одна заблудшая душа. Но это не имеет значения. Важно не то, кто написал твою жизнь, а важно то, что ты почувствовала.

– Красивые слова.

Она сделала еще пару глотков и опьянела.

– **Я**, кажется, уже совсем пьяна. Не проводишь, красавчик, до дома?

– Мало кто просит меня об это.

– А я прошу! Ты мне понравился. Заходи, когда хочешь!

Едва держась на ногах, она встала. Парень помог ей выдержать равновесие, и они медленно выходили из бара. Миновав дверь, они очутились в ночном Новом Орлеане. Днем, Новый Орлеан одевает маску. Ночью, он её снимает. Ночью в Новом Орлеане можно увидеть жизнь во всех её красках. Нет, всё же ночь ярче дня.

– Что такое знакомство? – спросил невпопад парень у трезвеющей Джесс.

– Я даже не знаю.

– Это не что иное, как встреча разных пониманий мира, или даже разных миров.

Она непонимающе уставилась на него.

– Кто это сказал? Только не говори, что ты. Я всё равно тебе не поверю.

– Это написала восьмилетняя девочка, страдающая аутизмом. Странно, как люди относятся к ним. Ведь они мудрее любого человека. Наверное, поэтому их презирают и лишь под видом гуманитарной помощи, помогают.

– Да.

– Это всё, что ты можешь сказать?

– Ты мудрый.

– Мудрость – лишь мера между «мало» и «много».

– Понять это сложно.

– Но ты понимаешь?

– Да.

Дальше они шли молча. И правильно, в городах нужно молчать. Это не то место, что бы вести великие разговоры. Даже, если этот город Новый Орлеан. Он довел ее до самого дома, а потом и до квартиры. Достав ключи, Джесс замешкалась и спросила:

– Что было с той девочкой?

– Она была одной из величайших людей, которых мне доводилось видеть. Поэтому, она и была самой несчастной из своего времени.

– Так, что с ней случилось?

– Люди её презирали. Она обратилась ко мне за помощью. Я смеялся над ней, как будто она не понимает, какую помощь я могу ей оказать. Но она понимала. Ей было очень тяжело. Она попросила разрешение убить себя. Очень странно, не так ли? Люди думают, что они сами хозяева своих жизней и могут отнять её у себя, когда пожелают. Но это я решаю, кто достоин умереть. Если я посчитаю, что самоубийца не заслужил смерть, то пуля не попадает в мозг, веревка на виселице рвется, а яд – лишь продолжает жизнь и так далее. Никакого *покая*. Но никто до сих пор не спрашивал. Я понял, насколько она несчастна и я разрешил ей прыгнуть с десятого этажа. Ей было десять. Никогда я так не сожалел о содеянном. Но так было лучше. Смерть – очень легкое решение проблем. Она всегда лучше. Когда у людей нет сил, идти дальше, им помогаю я. Если бы она прыгнула, не спросив разрешения, она бы упала на «случайно» поставленный батут и максимум, отделалась ушибом. Я сжалился над ней. И оказал большую услугу. Перед смертью, она написала мне все её мысли.

– И что там?

– Весь мир, глазами ребенка, покончившего с собой в десять лет.

– Ты бог?

– Многие назовут меня богов, еще больше – дьяволом.

– Но кто ты?

– Ты можешь называть меня Смерть. Это – самое правдивое из всех имен.

– Мое имя – Джесс. Приятно познакомиться, Смерть.

– Вот и наши миры встретились.

Он улыбнулся, пожал ей руку и ушел. Джесс осталась одна со Снорри, тот тихо мяукал в уголке...

На следующее утро, проклиная весь, допустивший создание будильников, мир, я споткнулся об собственный труп, в который раз, кстати. Под своим ненавистным трупом, который только то и делает, что путается под ногами, я имею в виду старого, усталого себя, который давно умер, уступив место для жизни более достойному «мне», если я имею право так себя называть. Мой труп хоть и не был материальным, но я всё же умудрился об него споткнуться.

Я упал на твердую поверхность, которую, кажется, называют полом. Я начал объяснять полу по-русски, какой он «нехороший» и «куда ему следует пойти». Потом я понял, что, так и не проснувшись, я выражаю своё неуважение к полу. Где же добрый, воспитанный мальчик, которым я долгое время себя воображал? Какой бедный пол. Он же ничего мне, на самом деле,

не сделал. Это я дурак. А он просто выполняет свою функцию. Какая неблагодарная работа у моего пола. А затем усмехнулся, вспомнив, что об милого мальчика я недавно споткнулся. Встав с примирившегося со мной линолеума, я пошел на кухню, ожидая долгожданный завтрак.

На кухне я встретил мечту всего моего утра – амброзию небесную. Яичница я беконом и кофе с марш мэллоу. Никогда в жизни я так не радовался еде. Слезы потекли по моему лицу при взгляде на неё.

– Доброе утро! – сказало моё счастье.

– Утро *никогда* добрым не бывает. *Mattina non è buono* – как бы сказал итальянец. Особенно, когда ты просыпаешься и не успеваешь открыть глаза, спотыкаешься об свой труп и понимаешь, какая ты сволочь в диалоге с полом. А ты не так думаешь, бекон?

– Я не бекон.

– Да? Тогда с кем я разговариваю? С кофе? Нет, оно любит молчать. Так что не ври мне, бекон.

– Обернись.

Я выполнил его приказ и за своей спиной увидел Чарли, которая недовольно смотрела на меня.

– Ты уверен, что упал на пол, а не на крышу?

– Совершенно, хотя... нет, на крышу я не мог упасть, хотя, с радостью бы попробовал. Эх, эта гравитация. Без неё было бы намного веселее!

– Ты не исправим. Но, наверное, именно поэтому, я люблю тебя.

– Да, скорее всего. А я люблю этот завтрак. Не возражаешь?

– Нет, угощайся.

Я сел за стол.

– Не понимаю тебя. Для меня – утро самое светлое время суток, когда день только начинается и всё еще впереди. А ты выглядишь так, что в этот день тебя расстреляют.

– Нет, в день, когда меня расстреляют, я буду счастлив.

– Ты так сильно не любишь жизнь?

– А за что её любить? Тебе повезло, что ты любишь жизнь. Когда любишь её, не замечаешь уродство. Без них она не может обойтись и держит их глубоко в себе. Может быть, я тоже полюблю жизнь. Но не сегодня.

– Это уже, как посмотреть.

Я сделал вид, что не заметил её ехидной насмешки. Доел свою радость и снова загрустил. Через десять минут, я был готов и стоял у двери, собираясь посвятить еще один день своей работе. В русском языке, работа имеет корень «раб». А в увольнении, корень «воля». Какой правдивый язык. Все так и есть. И больше всего, я боюсь перестать быть рабом и получить волю. Я выбежал из квартиры, посматривая на часы. 7.40 – успеваю.

А Чарли мирно пила чай и смотрела в окно, наслаждаясь сонным город. Как иногда хочется, просто быть Чарли. Новый Орлеан был полон таких же, как и я. Чарли улыбнулась, насмехаясь нашей жалостью.

Город надел свою дневную маску.

Как только она допила чай, к её буйной голове пристала мысль: «А как там Лидка?...» И в этот миг прозвучал звонок в дверь. Чарли даже не сомневалась, кто был за дверью. Она открыла.

–

Лидка, лёгка на помине, как я рада тебя видеть!

Ответив взаимностью, эта скромная, с элементами тайны, девушка, зашла в квартиру.

– Чарли, Чарли! – кричала она, – сегодня пятница. Надо это отпраздновать!

– Но мы же вчера праздновали...

– Не так. Нам надо бы разбудить Джесс и пойти на улицу, где можно будет прикупить чего-нибудь.

– Так мы что, будем праздновать каждый день? Разве – это не слишком?

– Почему, разве новый день не стоит того, что бы радоваться и отпраздновать его?

– Но если праздновать каждый день, через месяц другой, наверное, будешь молить, что бы, ни проснуться завтра. Слишком много праздников ещё хуже, чем слишком долгое их отсутствие.

– С отсутствием праздников мы справимся. Пошли, нужно зайти за Джесс.

– А она будет рада?

– Конечно! Правда, она может и не захотеть, но нам же всё равно. Мы должны радоваться жизни и делать людей счастливым, хотят они того, или нет.

– Что правда – то правда, – усмехнулась моя Чарли.

Чарли начала одеваться. Через несколько часов они вышли из дому и постучались к Джесс. Она не открывала. Потом, они несколько минут настойчиво звонили в её дверь. После упорного сопротивления, Джесс сдалась. Дверь открылась, и она монстром предстала перед своими подружками во всей своей красоте. Мешки под её глазами имели свои мешки. Волосы угрожающе стояли вверх. Взглядом она пронзила гостей, разорвала и испепелила.

– Что вам нужно? – страдальчески протянула она.

– Одевайся, мы идем гулять!

– **Я** не хочу.

– Немедленно одевайся и не заставляй нас применять силу.

– Мы живем в свободной стране. И вообще, я не в лучшем виде и настроении.

– А-а-а... ты вчера сидела в баре и искала смысл жизни, вдохновение и ответы на вопросы.

– Нет! Я просто бухала и теперь, у меня болит голова.

Лида зашла в квартиру Джесс. Ее рука полезла в черную сумочку, откуда она достала какие-то травы, вскипятила воду и бросила их в кипяток.

– Пей!

– Не буду я пить твое вонючее варево! Сама пей!

– Пей!!!

– Ладно.

Несмотря на мягкость характера, Лида могла уговорить даже это чудище, которое покорно, только из уважения к монстру, именовали Джесс. Создание с похмельем покорно выпело этот чай, не без явного отвращения. Но как только последняя капля попала в её глотку, она почувствовала умиротворение. Зверь вновь стал милой, в меру своего характера, Джесс.

– Что это? – едва сдерживая улыбку, спросила она.

– Наркотики.

– ЧТО?

– Не бойся, безвредные. Бояться их нечего, а тебе они явно нужны были. Для дорогой подруги – ничего не жалко.

– Не знаю о чем ты, но явно хорошая штука. Обещай ко мне приходить каждое утро!

– Нет, пожалуй, обойдемся без наркотиков. Хоть кто-то должен быть разумным, – сказала девушка, подсыпавшая своей подруги листики коки.

– Ну что, девочки, пойдемте? – вмешалась Чарли.

– Конечно, несколько минут и я в путь! – с необычной бодростью сказала Джесс, что было с ней не очень-то часто.

Они шли по улицам Нового Орлеана, не разбирая куда. Дул ветер и направлял их на запад. Они упорно молчали, пока Чарли дерзко не нарушила тишину.

*Смотрясь весьма солидно и серьезно,
Под сенью философского фасада,
Мы вертим полушариями мозга,
А мыслим полушариями зада.*

– Это все что ты можешь? Бестактно цитировать Губернина? К чему ты это?! – спросила Джесс.

– Ни к чему. Просто вы молчали, и это было странно. Так же было и вчера. Вспомните, ведь когда мы гуляли, мы всегда говорили о чем-то. А сейчас молчим, как будто, нам нечего сказать друг другу...

Чарли замолчала. Я *заблудился* в их мыслях. Снова воцарилась тишина, развеять которую мог лишь полуденный шум города. Да и он не особо помогал. Наоборот, гудение машин и обрывчатые звуки, издаваемые прохожими, лишь подчеркивали безысходность этой, такой тоскливой, пустоты.

Они просто шли. Три лучшие подруги, которым даже нечего обсудить. Бесцельно шастались по уже не знакомому городу. Какое обманчивое место. Казалось, столько раз здесь был, а чувствуешь, как будто ты впервые ощущаешь землю под ногами.

Казалось, их поглотит надрыв. Съест без соли. Но тишину развеял пронзительный, нечеловеческий вопль Лиды. Она смотрела на прохожего, издавая невыносимый писк.

Это был тоже, простой человек, который мог по праву называть себя полноценным членом человеческого общества. Он ничем не выделялся. Если у него было своё мнение, то он хранил его на страницах дневника, как сопливая школьница, подальше от других. Он работал пять дней в неделю и два дня готовился к работе. Что такое отдых он знал только из словаря. Для него это слово, было таким же необычным, как абстрагирование. Всё его счастье заключалось в том, что он целых два дня мог лежать на диване. Да и можно назвать это счастьем, если все выходные он боялся наступления ещё одних будней. И по будням, он ждал выходных, чтобы бояться будней. Он снова будет работать на ненавистной ему работе, потому что думает, что именно так и должно быть и на что-то большее он просто не заслуживает. Пока. А как отработает – заслужит. Он даже не знал, чего хотел. Его жизнь закончилась ещё давно, когда он впервые пришел в первый класс. Уже тогда, он совершил суицид и потерял все, а последующие сорок лет его труп бродил по этим улицам, смешиваясь с толпой таких же трупов. Переходя переход, жизнь добила его. Мерседес сломал ему кости и выбил внутренности, что те вылезли через глотку. Последним, о чем он подумал, была лишь мольба: «Господи, избавь меня от мук!». Когда он извел дыхание, его лицо выстроилось в гримасе, проговаривающей: «Спасибо!».

Три девушки просто наблюдали за этим зрелищем, и вся жизнь этого человека пролетела перед их глазами за секунду, на что-то ещё, она не просто способна. Их не сильно заботили крики свидетелей происшествия. Больше всего их занимали собственные проблемы.

Через несколько секунд, Чарли отважилась на вопрос:

– Лида... Лида! Что это было?

– Я... я не знаю, – слегка замешкалась она.

А люди вокруг были не напуганы, а лишь шокированы. Женщины орали, мужчины разбежались. Чернокожие полицейские схватили что-то бурлящего себе под нос водителя Мерседеса. Видимо, оправдывающегося и угрожающего адвокатом.

Чарли и Лида смотрели друг на друга, а Джесс и позабыла об их существовании. До этого момента, события прошлой ночи оставались тайно даже для неё самой. Но сквозь толпу людей и машин, она разглядела лицо брюнета. Он был во всем чёрном. Его взгляд заставлял вздрагивать самых отважных. Как стрела, попавшая в сердце.

Она вспомнила и бар, и виски, и пьяницу, совершившего на неё покушение. И того самого парня, который назвал себя Смертью. Ничего странного. Она встретила это спокойно, как будто ожидая.

Только теперь, когда она вспомнила, Джесс поняла, что лучше бы это забыть. Лучше бы она вообще не ходила ночью в тот джаз клуб, ведь тот парень... и только сейчас, брюнетка поняла, что тот парень просто исчез у неё на глазах и она потихоньку сходит с ума...

Попытавшись выбросить это из головы, наша героиня заметила, что её подруги тоже исчезли. На какой-то миг ей показалось, что она выдумала этих подруг, и на самом деле их нет. Но она заметила отдаляющиеся, знакомые силуэты и попыталась догнать их.

– Почему вы меня бросили одну? – возмутилась она.

– Мы тебя не бросили, – начала Чарли, – просто, ты так смотрела... в прочем, не важно. Мы трясли тебя за плечи, но ты не отзывалась. А потом, нам вдруг захотелось пойти вперед и мы пошли, даже не зная, зачем. Мы просто не могли не пойти.

– Да-да. Просто замечательные подруги. Я на секунду отвлеклась, а вы уже захотели от меня избавиться и придумываете себе какие-то оправдания. Лучшие подруги, нечего сказать.

– А на что ты так смотрела?

– Ни на что, просто задумалась.

Дальше они шли, как будто впервые попали в этот город. Дома были уже не те, улицы казались незнакомыми, хоть они и изучили здесь каждый метр. Даже запах был не тот. Раньше, все здесь пахло железом и алкоголем, как в ирландском городке, не знающем уныния. Но теперь, это был совсем другой мир, им уже не знакомый. И потом, когда они зашли за поворот, чтобы поскорее отсюда выбраться, они встретили его.

Это был бородатый мужчина во всем белом, который стоял там и, казалось, ждал их давно. Как только их взгляды встретились, незнакомец достал из пальто меч. Душа девушек ушла в пятки. Их плоть побледнела, как будто и состояла из плотно сцепленных между собой снежинок. Они были парализованы страхом. Он бросился на них с членораздельными криками. Уже через несколько секунд, все трое могли бы уже оказаться мертвы, но меч нападавшего скрестился с черным мечом, который вынырнул из-за спин напуганных. Обломки меча незнакомца с грохотом упали на землю.

Только у Джесс хватило мужества взглянуть в глаза мужчине. Они были полны страха и ужаса, которые она сама недавно испытала на себе. Он просто исчез, испугавшись того, что было у спиной за девушками. А сами они не осмеливались оглянуться. Всем им неистово хотелось издать жуткие вопли, но страх сковал их челюсти, не давая, ни единому звуку вырваться наружу. В *своём* безумии, они не знали границ. А затем прозвучал знакомый для Джесс голос:

– Извините, что впутал вас в весь этот каламбур, но у меня просто не было иного выхода, так как в другом варианте развития событий, я вынужден был бы забрать ваши души. А это мне, как минимум, не выгодно.

За их спиной стоял мужчина и улыбалась им чисто человеческой улыбкой парня лет двадцати семи.

– Моё имя Смерть, если кто-то из вас еще не догадался. Если позволите, я провожу вас домой.

От этих слов, должно было все вывернуть от священного трепета и ужаса, но вместо этого, все трое лишь облегченно вздохнули, дескать, слава богу! Вместо страха появилось любопытство. Они согласились, и их новый друг провел их к дому. В самом конце этого не долгого пути, Джесс спросила:

– А разве смерть – это не старуха с косой, которая...

Не успела она договорить, как перед ней предстала смерть такой, какой она всегда её представляла. Уже от этого зрелища, её передернуло. Но вскоре, она исчезла, а на ее месте вновь вырос уже знакомый парень.

– Такой ты меня представляла? Знаешь, мне всё равно, как выглядеть. Если хочешь, могу снова стать твоей смертью...

– Нет! Лучше оставь всё, как есть.

– Как скажешь.

Он снова улыбнулся лучезарной улыбкой и спокойно предпочел раствориться. И только ветер всё еще нёс память о нём.

А все трое спокойно зашли в дом. Им было не до лишних эмоций, как остальным, более чувствительным особям их пола. Да, пожалуй, события дня слегка отличаются от обычного расклада. Но с кем не случаются чудеса? Конечно, подобные случаи случаются редко, но вообще, чудеса происходят с самыми обыкновенными людьми каждый день. Само пробуждение после сна – уже чудо. Рассвет, закат, каждая секунда. Наша проблема в том, что мы не улавливаем эти секунды и лишь продолжаем страдать дальше.

Чарли зашла в нашу квартиру и поставила на плиту турку с кофе. Он был для неё просто необходимее всего существующего. Только после него, она чувствовала себя более менее собой. После добрых трёх чашек, лучшее время для телевизора. Ничто, как телевизор не затуманивает мозги, помогая немного успокоиться.

Снорри встретил Джесс мурлыканьем. Она улыбнулась и тоже решила сварить кофе. Было лишь небольшое отличие: Джесс всегда, когда она остается одна, пьет кофе по-ирландски. Только этот кофе она считала настоящим: невыносимо горький, он соединяет в себе горечь крепкого спиртного и кофейного напитка. Снорри снова довольно замурлыкала, когда после кофе, Джесс покормила её, и настало время телевизора.

О Лиде Даркнесс следует упомянуть пару слов. Мисс Даркнесс была крашеной под брюнетку блондинкой. После получения паспорта, всё своё время она уделяла основной мечте всей её жалкой жизни: переселиться в Америку. После невыносимых очередей в эмиграционной службе, ей удалось осуществить и воплотить свои грёзы. Но была одна загвоздка: она понятия не имела, что делать дальше. Всю свою сознательную жизнь она зависела от других. От родителей, что её содержали; от друзей, что не давали волю скуке и от многих других мелких факторов, которые цепями приковывали её к земле. Своё *же* совершеннолетие и получение долгожданного паспорта она использовала как ключ к чему-то, что походило на свободу.

Она бросила всех и уехала туда, где никто из прошлой жизни не сможет её достать. Она имело скромное дело и однокомнатную квартиру, почти не обставленную мебелью. Даже спать приходилось на полу. Но, черт возьми! Это была её квартира. Её дело. Здесь уже она ни от кого не зависима. Если дела будут идти и дальше так хорошо, то она накопит на машину и это будет уже её машина, а не мамы. Она закроет свой магазинчик и уедет на запад, через всю страну, одна. Свободна, как лихой ветер. Бродяга ветров. Именно такие, как она, вертят наш мир и вызывают гнев и отвращение, которое мы, и не скрываем. Но, под слоем гнева и отвращения, лежит зависть. Они бы тоже хотели расправить крылья и улететь на закат, чтобы никогда уже не вернуться. И даже, если они уподобятся Икару, она не будет горевать. Они лучше умрут, пытаясь покорить само Солнце, чем будут жить, даже не завоевав и одного из бесконечности миров.

А сейчас, вернее, как и тогда, она, скорее всего, пьет зеленый чай. Сидит на крыше и смотрит вдаль, на запад, на умирающее Солнце.

Наши судьбы были похожи, хоть и были значительные отличия. Лида была молода. Она умела мечтать, а что лучше всего, воплощать свои мечты. Одну за другой, пока не кончится список.

Я же, уже прожил больше половины своих дней. Сразу после получения аттестата, я как будто заснул, а проснулся только спустя десять лет. Тогда я стоял в Черновцах, под дождем, в руках у меня был диплом кандидата исторических наук и не знал, что делать дальше. Потом, я снова закрыл глаза и не думал об этом *мире*, пока в один день не очнулся, схватился за голову

и понял, что ничего я не сделал. Сколько лет я спал? – подумал я, когда, осматривая своё изнеможенное тело, я закричал. Тогда и только тогда я понял, что времени нет. Как говорил Марк Твен, в нашей жизни два самых лучших дня: день, когда ты родился и день, когда ты понял, зачем. Так вот, мой второй самый счастливый день был самых худших из дней. Тогда я понял, что родился для того, чтобы бояться смерти, а потом умереть от усталости бояться необратимого. Херовый день. Херовая жизнь. Но пришлось двигаться дальше, так как сил остановиться не было.

В молодости, я жил впечатлениями. Смыслом моей жизни было получить драйв – без него я не видел смысла существования. И только сейчас, под дождем и без зонтика, я крикнул на никому не известном здесь языке:

– На что я, блядь, потратил жизнь?! На бумажки? У меня есть деньги. Много денег! И ни капли радости! Ни грамма души.

Я проорал эти слова очень громко, потому что сдерживаться – вредно для здоровья. А прохожие смотрели на меня без удивления. Подумывая, наверное: «Что это за психопат?! Что это за язык? Русский?! Так он еще и русский! Лучше отойти подальше, пока не поздно». И отходили, конечно же.

В то время, я как раз допил кофе, купленный за два доллара, в одной дешевой кофейне и теперь шел под дождем в куче с этими людьми. Совершенно один. Никого больше. А идти еще было два километра. И денег на такси не было. Да что вообще за неудачник этот я?!

Мой взгляд упал на человека во всем чёрном. Только кожа белая, а так чисто чёрное пятно, как чернильная клякса на бумаге истории. Он стоял как отшельник. Прижавшись к стене и упираясь в неё левой ногой, он смотрел в небо, на падающие капли дождя.

Когда я поймел неосторожность пройти мимо, он как по крику поднял глаза и показал лицо. Мы встретились взглядами. Два мира сошлись воедино. Его лицо застыло в ужасной ухмылке.

– Рад видеть тебя, сэр ..., – сказал он, протягивая руку.

– Не стоило вспоминать моё старое имя, но я вас тоже, – ответил, без малейшего удивления, даже с любопытством, будто встретил старого друга.

– Можно на «ты». Ты помнишь моё имя.

– Нет.

– Ах да, тогда напомним. Рад снова познакомиться, Смерть, со всем почтением.

– Мы не знакомы.

– Ох, ошибаешься! Каждый человек встречается со мной чуть ли не каждый день. Помнит ли он – его проблемы. Само его существование – лишь моя прихоть.

– Тогда рад снова вас видеть, сэр Смерть. А что, я уже умер?

– А ты был жив? Странно, я и не думал, каким наивным ты станешь.

– Я бы с удовольствием поболтал, но дождь...

– Да-да, извини, пройдем в кафе. Я угощаю. Когда встречаешь старых врагов, которых считаешь друзьями, экономить недопустимый грех.

– Премного благодарен.

Всегда под вежливостью скрывается угроза и презрение. Вряд ли существует хоть что-то, что бы я презирал больше, чем это создание. Но отказываться не позволял желудок. Я как раз был голоден, и почему бы не злоупотребить щедростью Смерти. Да что там, я ведь это постоянно делаю, когда она приноровит обнять меня.

– Так что случилось-то? – Спросил я, посербивая принесенный кофе, на фоне падающих на окно капель дождя. Лучшие слова во всем *мире*.

– Твои девочки...

– Какие девочки?

– Не перебивай. Они имеют большую силу.

– И в чем же они ее проявляют? Во время переезда, я нёс всё до последней сумки, а Чарли лишь смотрела на меня и поговаривала: «Ну ты же мужчина, так что...» ну и что, что мужчина?! Вообще-то...

– Хватит! Послушай сюда: сегодня, твои девочки гуляли и случайно заметили мою работу. И эта Лида завизжала не людским голосом. И я узнал этот голос...

– Банши?

– Да, именно они, мои слуги. Она имеет большую силу. А Джесс... я видел её в баре. Я сразу узнал в ней одну из девочек Одина.

– Какая глупость.

– А Чарли... она напоминает мне убитую сестру.

– Поподробней.

– Война. Она погибла, но обещала вернуться. Её рыжие волосы невозможно спутать ни с чем остальным.

– Что за ересь?!

– Наши враги знают об этом. Твои девушки чуть было не погибли, но им повезло, что я проходил рядом. Они в опасности, мой старый друг, а времени все меньше.

– Это-то да, но вот какого времени?

– До битвы.

– Какой еще битвы?! Во что ты меня втягиваешь?!

– Что они сделали с тобой? Я смотрю и не узнаю тебя. Посмотри, во что ты превратился. Я даже немного побаиваюсь, смогу ли я вернуть тебя обратно.

– Не нужно меня никуда возвращать! Вообще, кто я, по твоим меркам?

– Ты некромант. Первый и последний. Ты должен возглавить нашу армию. Ты поведешь её в бой и победишь. Как и всегда.

– То есть, я порождение зла и должен помочь уничтожить добро, которое и так давно *погасло*?

– Примитив, но если хочешь, так это и называй.

– Но ведь добро всегда побеждает зло

– Ты на самом деле в это веришь? Да уж, будет сложно снова превратить тебя в дикую, безумную тварь, которая только-то и делает, что убивает людей.

– Да не нужно меня превращать. Я и так эта тварь.

– Так что же тебе мешает заниматься любимым делом?

– Криминальный кодекс Соединенных Штатов Америки и лень.

– Насчет второго, то лень пройдет со временем. К тому же, как человек, проживший столько лет в твоей родной стране, может думать о криминальном кодексе.

– Какой стране? Что это за дичь и с чем это едят?

– Все говоришь глупости. Можешь и не пытаться. Ты не убежишь от своего прошлого.

– Я и не пытаюсь. И я никогда не жил там, тем более, не рождался.

– Да? Кого ты обманываешь...

– Вообще я не признаю ни Польшу, ни Россию, ни Германию, ни Сомали, ни США за настоящие державы. Я родился на планете Земля и признаю себя землянином.

– Свою политику оставь до лучших времен. Скорее всего, они настанут очень скоро. Наступит и новый год. Пошли. И у тебя, и у меня ещё много дел.

– Подожди, я ещё не дал своего согласия.

Смерть, собравшись уходить, снова сел и, смеясь, посмотрел на меня.

– А ты разве сам не хочешь приключений, которые тебе не снились даже в самых безумных снах, достойных самого Кафки?

– Даже не знаю. Мне вообще сны не снятся.

– Ты не хочешь?

- Если честно, то хочу. Но ты даже не спросил меня об этом.
- Прекрати. Взрослый мужик, проживший пол земной жизни, а ведешь себя как баба.
- А ты как Чарли.
- Ты не смешно шутишь.
- Я знаю, и меня это не пугает, как и Ларина.
- Кого?
- Ну, Ларина! А вообще, всего хорошего!

Я встал и собирался идти, чтобы никогда больше не видеть этого сумасшедшего. Но тот сделал жест, приказывая мне сесть. И я, повинаясь странному влечению, занял своё место.

- Парадокс в том, дорогуша, что ты как бы имеешь право выбора, и как бы нет.
- Что?

– Попытаюсь объяснить: ты можешь прямо сейчас развернуться и уйти. Ты даже сможешь дойти до входной двери, но, к сожалению, не дальше.

- Это еще почему?!
- Стоит тебе прикоснуться к дверной ручке, как день начнется заново.
- Пойдет заново.
- Да. Я говорю это тебе в который раз и уже устал. Ничего, следующего тебя я ударю.

Может тогда возьмется за ум.

- И как же долго длится этот разговор.
- Не знаю, но кажется, целую вечность. Дней, собственно и не существует. Время лишь иллюзия, которую вполне можно видоизменить и даже программировать. Дни – это лишь твоё мышление. Они существуют только тогда, когда ты позволяешь им существовать. Но преодолев мыслительную концепцию, можно получить полный контроль над пространством. Иными словами, ты создаешь новую концепцию, а значит и новую логику, новую реальность.

- Раз так... – я вздохнул.
- Ты меня убиваешь! – простонал он.
- А такое возможно.
- Нет, конечно же, но имея дело с тобой, можно забыть о законах физики.
- Да, скорее всего, я просто не имею другого выхода, как принять предложение. Так давай же закончим, ой, то есть, скрепим наш договор...

Стоило мне произнести эти фатальные для моей жизни слова, как все исчезло. Я оказался один на улице. Шел дождь, и капли жестоко шлепались об мое голову, вызывая чувство уединения с небом и желание кричать нецензурные слова, избивая прохожих, проклиная дождь. И тут я обнаружил у себя в кармане пару долларов, которых не было там до того. Дошел до ближайшего кафе, где купил кофе. Я разглядывал бумажный стаканчик, как разглядывают верующие мощи святых. Никогда в жизни я не придавал настолько большое значение этому напитку. Сделав глоток, я обнаружил, что дождь перестал лить. Я улыбнулся и пошел домой, попивая кофе и прыгая по лужам, окончательно запачкав свои штаны.

Я просто шел, попивая кофе, моё мокрое лицо сохло на солнце. Я чувствовал себя лучше не куда. Меня переполняла *надежда*. Мы и только мы продюсеры всего, что с нами происходит. И придя домой, стоило бы задуматься о наступающей войне, если её можно было так назвать. Я до сих пор сомневался в правдивости слов того чудака. Вполне могло оказаться, что мной воспользовался какой-то шутник. Эта мысль пронизывала мой разум. Но война, скорее всего, всё-таки будет. Если не с ангелами, то с самим собой. Это моя война. Никогда заранее не знаешь, где тебе повезет! Вот например, перед самым порогом я нашел купюру в пять долларов. С моими доходами они абсолютно ничего не значат, но так я обрадовался им. Я поднял их и зашел в дом.

Дома меня встретила Чарли. Мы, улыбаясь, посмотрели друг на друга. В тот момент я осознавал, что даже если мне суждено быть Антихристом и врагом всего человечества, то я

с радостью им и стану, если Чарли согласится быть рядом со мной, когда тысячи ангелов приведут меня к страшному суду и приговорят меня к самому страшному наказанию. Теперь, я понимал Бони и Клайда. Они были вместе. Одни, против всех. Они проиграли, да, но вместе.

Ни я, ни Чарли не желали пересказывать друг другу события ещё одного обычного дня. Вместо этого, мы предпочли молчать. Мы просто смотрели друг на друга. Мы чувствовали друг друга, *навсегда*. А потом разошлись, но без сожаления, потому что это не должно занимать много времени, а лишь должно радовать душу, когда кажется, что весь мир объединился против тебя. Такая жизнь.

Я отправился в нашу спальню, а Чарли в это время, что-то готовила на кухне, что делала очень редко в силу своей человеческой лени. А я просто лег на не заправленную, теплую кровать и повернул голову направо, в то самое место, которое принято называть окном. За ним был засыпающий Новый Орлеан.

Как засыпает город?

Как солнце догорает и опускается в океан, уступая место луне. Зачем даны день и ночь, если мы даже не можем здраво рассудить между ними? Философ из меня, сразу говорю, не очень, но я точно понимаю, что они нам даны, чтобы мы могли лучше почувствовать разницу.

И эта война. Я ведь прекрасно понимал, что она может закончиться гибелью всей цивилизации. Или, как бы лучше выразился Сорокин, конец одной из фаз развития человечества. Гибнет одно, уступая место другому. Так всегда было. Это закон природы и истории. Само развитие истории сравнимо, разве что, с броуновским движением. Бесконечно хаотично, безумно и рационально. Но, тем не менее, не смотря на безумие броуновского движения, по теории хаоса, оно имеет определённый порядок. Это не аномия. Хаос – это лишь иная логика. И в истории есть определенная грань, определяющая её всю. Гибель человечества определенно не его конец. Нет. Это начало нового. По третьему закону Гегеля, мы получаем, что развитие требует практически полного уничтожения старого. И вот теперь, на рубеже веков, буду рожденными в постиндустриальном обществе, все мы стремимся к уничтожению и упадку западной цивилизации, мы как никогда стоим ближе к переменам, определившим наш исход. Человечество готово к уничтожению. Пора бороться за это. Уже моих сил хватит. Когда человек перешел границу своей реальности, для него уже не существует никаких границ и никаких замков. Разве что воспоминания о том, что они были. Тем не менее, я все еще зависим. Пока я не обрету свободу ничего невозможно выполнить. Пора разорвать цепи, свежающие меня по рукам и ногам. Пора высвободиться и взлететь над горами из живых трупов. Не смотреть вниз. Даже если моя судьба быть Икаром, тот я не против такой судьбы.

Жизнь – это противостояние человека с временем и его реальностью. Если время с реальностью его побеждает – человек умирает. Если же человек побеждает время и реальность, то он становится бессмертным.

Позднее я составил список из сорока трех пунктов, в которых были варианты толкования моей вечерней мысли и предсонного бреда искусственного мыслителя.

Магия? Да, она была везде, да и сейчас она здесь, прямо у тебя за плечом. Чудеса везде. Проблема в том, что чудеса всегда доверены секундам. Чудо трудно растянуть на полчаса. Но секунды мы терпеливо минуем и поэтому не верим в чудеса. Печально, да и только. Так уж сложилось, что приходится жить без чудес простому человеку. Но слава Смерти (а я правде ему благодарен) я уже не настолько обычный человек, что бы ни замечать мир вокруг себя.

В этот момент Чарли закричало на всю квартиру:

– Чёртов ужин готов!

Я вскочил с кровати, разбросав по углам все свои философские мысли. Чувство голода сильнее любых других чувств. Тогда это *и* был смысл моей жизни.

Есть. Пожирать.

Но оказавшись на кухне, я получил лишь пережаренный кусок мяса. Я улыбнулся и покорно запихнул его себе в брюхо. В тот момент я позабыл о голоде и молил тысячу богов, чтобы Чарли не подумала, что я нуждаюсь в добавке. Кулинарный шедевр. Деликатес. И как только мой желудок сдержал свою радость по этому поводу?

А я, тем не менее, всем видом показывал, что мне нравится. Ну что только не сделаешь ради любимого человека? Лично я готов терпеть даже её еду.

После этого благодеяния, я вернулся в свои покои, где надеялся отдохнуть от людей и от мира в целом, даже от Чарли. Как бы мясо не вызвало последствий ночью. Лежа в постели, это странное существо все думало:

«Что же мне делать дальше? Ведь все и так плохо, хуже не куда. Эх, дорогая моя задняя часть, почему не предупредила заранее? Я ведь чего хотел? Только спокойно жить».

Последнюю фразу непонятно почему вспомнил. Я хочу спокойно жить. Долго думая об этом, я вспомнил, как сегодня, после осеннего дождя я шел домой и думал, какой же я дурак, раз решился на предложение Смерти.

Но вспомнив это, я окончательно и безоговорочно для себя уяснил, что спокойная жизнь мне не нужна. И я готов пойти на всё, чтобы хоть как-то разнообразить её.

подавайте мне чудес на серебряном блюде! Правда, я понятия не имел, где откопать эту редкую штуку – настоящие чудеса. А они сами нашли меня. И все же я понял, что в этот момент я улыбаюсь и вздрогнул от этого необычного чувства.

И в тот момент я точно знал: будь, что будет и все равно, что будет! Пока это «что-то» происходит, что «будет» отходит на задний план.

То есть, я решил, что раз уж я такой лакомый кусочек для неприятностей, тогда пусть они сами придут ко мне, а я пока буду просто лежать и ждать их. Что ж, посмотрим, что будет дальше.

И в этот момент в комнату постучали. А я, совсем не удивившись стуку, сказал:

– Ну, посмотрим. Входите...

Джесс и Лида в это время мирно попивали чай, а Джесс даже без алкоголя, что бывало крайне редко. Они о чем-то задумчиво и уверенно разговаривали, но при этом несли такой бред, что сами не понимали, о чём они размышляют. Видимо, это были лишь жалкие попытки забыть. Забыть то, что они пережили за этот день. Но не справившись, резко сменили тему.

– И всё-таки, что произошло? – спросила Лида.

– Ты про енота в мундире?

– Нет. О том, что произошло сегодня.

– Сначала, он спас нам жизни, проводил до дома, а затем нашептал мне на ухо, что я валькирия.

– А мне нашептал, что я банши.

– Разве?

– Не знаю. Как можно быть в хоть чем-то уверенным?!

– И каковы ощущения?

– В смысле?

– Когда он сказал мне, что я валькирия, поначалу, я перепугалась. Но потом вспомнила, что всю свою сознательную и бессознательную жизни именно этого и хотела.

– Быть валькирией?

– Нет. Быть чем-то большим. Что бы отличалось от других. Но самое страшное, что я и ощущала себя валькирией. Я поднялась выше людских домов и смотрела на них с высоты облаков. А потом жизнь вернула меня обратно, и это было хуже смерти. Но я не плакала. Самые болезненные события никогда не сопровождаются слезами. Они сопровождаются дорожкой из осколков души. *Только* так. Но теперь, ощутив на своем теле, какого это падать с трехкилометровой высоты, я могу по-настоящему оценить эти чувства.

Лида наклонила голову над своей кружкой. На несколько минут воцарилась тишина и она была громче самого пронизывающего крика. Только маятник часов, напоминая о времени, разрывал оковы тишины. Но Лида нарушила молчание.

– Я чувствовала тоже самое. Теперь, я понимаю, почему я бросила все и отправилась на запад. В поисках своей судьбы. В поддержку жалкой мечты.

– Все мечты жалкие, но ни одна из не лишена смысла, запускающего нашу жизнь. И ты ведь добилась, чего хотела?

– Да, но...

– Что «но»?

– Я боюсь будущего.

– А разве не плевать? В сумочке у меня лежит нож. Если я прислоню его к твоему горло и перережу сонную артерию? Если у тебя будут, лишь две минуты, пока вся кровь не вытечет, если все доктора мира, вместе взятые, не смогут спасти тебя, ты будешь бояться смерти? Нет. Те, кто обречены на смерть, её больше не страшатся. Но если есть больше, чем несколько минут на полу, в лужи крови, то есть смысл идти вперед. Выстоять и встретить смерть, не страшась её.

Чарли в это время ни о чем не думала. В отличие от нас троих, буйных, волнительных, Чарли, хоть и казалась похожей на нас, а вне некоторых вещах, даже копировала нас, но это была лишь внешняя защита от суеты мира. В глубине души, Чарли может понять, разве что, только сама Чарли. В своё время, господин Чайковский сказал: «дайте мне людей, не надо кукол». Ну вот, сударь, на серебряном блюде получите людей, которые сошли с ума. А Чарли заботили лишь абстрактные вещи, не имеющие особой связи с реальностью. Из материальных проблем, единственной ее настоящей заботой была готовка еды. Но разве можно назвать это особой заботой, если я только ужинаю дома? Ведь прошло столько лет, а до сих пор не разобрался в ней до конца. Может, дело во мне самом?

Она смотрела, как я ем и мечтаю о шаурме, хоть и всячески скрывал это, нахваливая её стряпню. А она смотрела на меня и понимала, что её парень – бессовестный лжец. Но ведь мы не женаты. Так что ещё рано... Но её радовал тот факт, что я страдал, но продолжал есть. Садист, что еще можно сказать? Или человек, который просто знает, что его любят. Не женятся, но любят. Вот такой уж я, несерьёзный, хоть и всегда пытался строить из себя интеллектуала. Ну разве не идиотизм? Но оскорблять себя – это плохо, поэтому воздержусь от дальнейшей самокритики.

Вдоволь напившись ночным чаем, обе наши взбудораженные парочки легли спать, ибо в чае растворяются все проблемы и просыпается любовь даже к самой отвратительной твари. Алкоголь здесь не причём.

Говорят, что миром правят жаворонки. Чепуха! Все мы, ночные совы, именно мы вращаем этот мир. Все гении – совы. Потому что ночью, когда просыпаются мечты, все только начинается. А в особенности и чудеса.

Сергей был просто в ярости. *Слабая* душа, что сказать. Он был не доволен, почему *добро* всегда проигрывает *злу*? Почему все не так, как в старых, добрых, детских сказках, где всё наоборот?

– Потому что мы живем не в сказке, а в реальном мире, так что, просто расслабься. И вообще, чего ты паришься? – спросил мастер, совращающий души, властелин музыки и вина.

– Чего я парюсь? Алкаш, да ты, видимо, вообще страх потерял!

– Я тебя не боюсь.

На это Сергей уже не ответил. Он просто развернулся и медленно зашагал от него. Он был тем, на ком, практически и стоял мир. Пятый архангел. Он был тем, кто помнил, когда тысячи богов вместе сражались против мирового зла, и каждый раз оно отступало. Но времена меняются. И только в си-минорной тональности будет сыграна их судьба.

– *Зло*, как никогда, стало сильным, – начал Сергей, – скоро, у них хватит смелости бросить вызов нам.

– Ну, это вряд ли, – спокойно ответил его собеседник.

– Вчера, даже я был спокоен по этому поводу, но в Новом Орлеане, как говорят, видели Его.

– Кого?

– Некроманта.

Дионис поперхнулся водой, которую взял в руки.

– С такими вещами не шутят!

– Я не шучу.

– В последний раз мы видели его только в четырнадцатом веке. Сколько тогда он нанес хлопот.

– Ты про эпидемию и его попытки взять штурмом Эдем?

– Страшная была битва. Но мы выиграли и договорились больше об этом не вспоминать.

– А теперь, он вернулся и заключил договор со Смертью.

– Опять она!

– Теперь уже он. Некромант поведет против нас легионы.

– Это не страшно. Мы их... – сказал бог вина и начал демонстрировать жестами, что конкретно он думает о них.

– Я бы на твоём месте не был так уверен. В прошлый раз самоуверенность нас и погубила. Скорее всего, мы снова стоим на пороге своей гибели. Но *свеча* не потухнет!

Оба замолчали. Дионис прервал тишину:

– Как говорят наши северные друзья: да начнется Рагнарок...

– Людям свойственно думать, что они что-то значат. На самом деле, они значат лишь то, что делают и о чем думают, и больше ничего. Вот почему многие окружающие нас личности ничего не значат. – Как всегда, действовал я всем на нервы.

Моим единственным слушателем была Чарли, которая делала мне утренний кофе.

– Доброе утро, – сказала она, когда я замолчал.

– Как говорят итальянцы: *buongiorno non accade mai!* Добрым утро не бывает никогда!

– Какие планы? – сказала она, не обращая на мои итальянские привычки никакого внимания – золотой человек.

– Ну, как всегда: работать, работать. А потом, когда закончу, работать. А после, может быть, будет время поработать. А в перерывах пить кофе и мечтать о доме, где сидишь ты. Ну и о работе, куда без неё.

– То, что ты стал исчадием Ада, несколько тебя не изменило. Такого человека сложно найти.

– Просто на двери моего шефа висит табличка: «Становление дьяволом или смерть несколько не являются поводом пропускать работу!» Вот и не пропускаю. Но ничего. После работы всегда можно уделить время планам, по уничтожению мира.

– Не знала, что ты такой кровожадный, – усмехнулась она.

– Ты давно это знала, просто не признавалась. К тому же, я не кровожадный. Просто, я прожил столько лет и столько мудаков, и ни одного из них не убил. Мне даже жалко этих богов. Вот зачем их убивать?

– Ничего. Хотя бы повидеешься со всеми мировыми знаменитостями: Будда, Аллах, Иисус, Кришна. И не забудь познакомить меня с ними!

– Непременно замолвлю словечко, дорогуша, если они не испепелят меня при встрече.

– Но ты ведь сильнее.

– Я даже с кровати встать не могу по утрам. Не дай бог, битва будет утром. Не хотелось бы опоздать.

– А тебе не пора на работу?

– Да, пока.

– Эй!

– Что?

– Я давно хотела тебе сказать: сегодня суббота.

– Да?

– Да.

– Тогда зачем я подымался? Встал бы в три часа дня, то есть, утра.

– Ничего. Весь день просидишь дома. А я пойду, прогуляюсь.

– Как всегда, с подругами?

– Нет, сегодня я пойду одна.

– Почему?

– Даже от самых замечательных людей, порой, нужно отдыхать.

– Смотри, не впутайся в неприятности.

– Как-нибудь постараюсь.

Через несколько минут она собралась и ушла из дома, оставив меня одного. Так, или иначе, но она *освещала* мне путь. Теперь, мне ничего больше не оставалось, как печально лежать на кровати в полном одиночестве. У меня не получилось справиться с превосходящими силами хандры. Поэтому, я встал, оделся и только у самого порога понял, что обещал никуда не уходить.

Ну да ладно.

Я просто не мог здесь больше находиться. Я чувствовал себя чужим в родном доме. Казалось, даже мебель объединилась против меня и собиралась уничтожить. Я открыл двери и ушел.

На улице была прохладная, осенняя погода, которая так свойственна ноябрю. Которая, почему-то, категорически отказывается наступать в других месяцах. Разве что, в декабре можно услышать его эхо. А так нет. Каждый месяц имеет то, что отличало бы его от других. И каждый оставил след в сердце бродяг судьбы. Но, не смотря на явную прохладу, была солнце и ясное небо.

Ужас.

Никогда не любил подобную погоду.

И тут я понял, что даже наступи сейчас настоящие дожди, мне было бы всё равно. Я так ждал эту погоду, но если она наступит, мне уже будет пофиг.

Тяжело вздохнув, я, с внезапной грустью на лице, двигался дальше. Тут мне на голову падает капля. Затем вторая и третья. За ними следовал дождь. Я молча уставился на верх и наблюдал за каплями, падающими с неба. Они падали прямо мне на глаза. И я даже не заметил, как на моем лице появилась улыбка. Потом, я сказал уже вслух:

– Viv la vida!

Затем, побежал под дождем, даже не догадываясь, зачем произнес эти слова. Скорее всего, потому что вспомнил одну мелодию, которая полностью передавала мои впечатления от этого момента. Мои ноги сами привели меня, по улицам Нового Орлеана, в место, где я никогда раньше не был. В этих места, город уже не был собой. Он казался неопознанным, незнакомым и удивительным. Его вид был пугающим, но в то же время, потрясающим воображение. Совсем не подпадал под догмы о Новом Орлеане.

Но даже эти дебри не пугали меня. Я был умилен этими каплями, которые бесконечным поток падали, и как будто говорили, что буду падать всегда, не зависимо от погоды, и буду вести по дорогам, которые уже открылись, или будут открыты в будущем, таком пугающем, но

вместе с ними, потрясающим. И только когда я обнаружил, что вокруг меня нет людей, через моё тело прошёлся слабый холодок. Конечно же, мне приходилось бывать в местах, где людей не было. И это были хорошие места и хорошие минуты. Но тогда я знал и чувствовал, что где-то далеко, люди есть. А теперь *мне* казалось, что даже если я обойду всю планету, мне не встретится ни один человек. Их не было нигде. Как будто бы и не существовало никогда. Что все человечеств — лишь иллюзия.

Обман.

Люди были лишь плохо сплетенным наваждением чародея. И это было страшно. Подул ветер.

Я стоял так несколько минут. Я понял это, посмотрев на наручные часы. Но эти несколько минут казались мне вечностью. Была абсолютная тишина, лишь ветер угрожающе шипел о стены домов. А вывели меня из транса, слова давно знакомой песни, которую я слышал в детстве, в одном из пустых дворов:

*If rain will fall high up
here upon the mountain*

*grass will grow and
shepherds will be thankful*

*and our love will
cover up for the mountain*

*for time is like a promise
It tries all your strength to keep to*

*Before she came I lived alone
Upon the mountain*

*raven heard your voice
High upon the wind,*

*then one day you came to
Lay upon the mountain*

*for time is like a promise
It tries all your strength to keep to*

*your sun goes down and
Shadow sooner into weaving*

*but she lies so deep inside
My love surrounds us*

*time will out do what's this
I only know too well*

*for love is like a promise
It tries all your strength to keep to*

*If rain will fall high up here
Upon the mountain*

*grass will grow and
Shepherds will be thankful*

*and our love will cover
Upon the mountain*

*for time is like a promise
It tries all your strength to keep to...*

Песня оборвалась, и я заметил, что пока звучали эти слова, я медленно, но верно к их источнику – таинственному существу, внешне напоминающего человека женского пола. Но внутри... Она была больше, чем человек. Стоило мне подойти к ней вплотную, как она набросилась на меня и исцарапала мне грудь. Я бы и погиб там, если бы не услышал непонятные звуки, от которых моя рука, без моей воли, сжалась в кулак и не ударила с нечеловеческой силой в лицо этому существу. Её голова чуть не отпала, и на нём я разглядел явное любопытство и удивление, даже страх. А я взвыл от боли. Моя руку ударило об её лицо так, как будто оно было сделано из стали. Но, не теряя времени, она отшагнула к какому-то дереву. Только тогда я понял, что мы находимся в какой-то лесной глуши. Схватившись за дерево, это мерзкое создание потеряла все формы. Присущие человеку и взвыла адским голосом, разрывая барабанные перепонки. Она раздвинула рот. Он оказался бездонным и невероятно широким. Там я увидел высунутый язык и несколько рядов оскалившихся зубов. Тут я понял, что мне конец. Она меня проглотит. Целиком, без соли. Никогда не думал, что умру так.

В этот момент подул ветер и прошептал мне на ухо какие-то странные звуки. Не зная зачем, я произнес их вслух.

Земля под ногами чудовища раскрылась, и из впадины вышло несколько дюжин рук. Они схватили тварь, и та не смогла им противостоять. Напоследок она лишь закричала не человеческим голосом:

– Я еще вернусь, Некромант и отомщу! Отомщу тебе за все!

И исчезла в земле. Вместе с ней и трещина. А вместе с ней и лес. Я снова оказался в Новом Орлеане, в самом центре Французского квартала, в окружении людей и знакомых пейзажей.

– Что это было? – без нотки удивления, а так, просто спросил я у пустоты.

– Что-что? – переспросил Смерть сзади меня, облокотившись спиной в стену какого-то дома. Не знаю даже, что за *путь* привел его сюда.

– Что это было?

– Просто кредиторы пришли за своим добром.

– Каким еще добром?

– Скажем кратко: в прошлой жизни ты был весьма расточителен, поэтому набрал много долгов. Но ты умер, не расплатившись, чем нажил немало врагов. И вот, ты снова здесь, а значит, пришло время отдавать долги.

– Но что за долги?

– Ты шестьсот девяносто четыре раза положил в залог свое тело. Доволен?

– Шестьсот девяносто четыре?

– Да. Именно столько. Но эта хотела не твоё тело.

– А... что?

– Эм... скажем так, ты обещал ей свой детородный орган.

– Что???

– Ты меня спрашиваешь, как будто я продал свой орган взамен, что меня переведут через Альпы зимой в Италию.

– Зачем мне это?

– Всю прошлую жизнь ты сражался. При том лучше любого из нас. Ты собирал армию, чтобы взять штурмом Эдем и вернуть нас туда. Не по воле господней, а огнём и мечом.

– У меня получилось?

– Нет, конечно же. Ничего бы из этого не было, если бы ты низверг всех ангелов. Ты проиграл *и* умер. А с твоей смертью прошла эпидемия чумы, и все стало как прежде.

– Как это произошло?

– Как я забрал тебя?

– Да.

– Молния Зевса. Он там был и оказался сильнее тебя. Да ты вообще безумец. Надеюсь, в этой жизни, ты будешь мудрее.

– Но почему ты не можешь повести войско.

– Я создан не для того, чтобы воевать. Я лишь мост между старой и новой жизнью, ничего больше. А ты – тот, кто должен все изменить.

– А как ты вообще здесь оказался, рядом со мной?

– Шутишь! Я же Смерть и всегда хожу за подобными кадрами попятам.

– Всегда?

– Почти. У меня много работы. Надеюсь, найдешь дорогу домой.

После этих слов, эта мерзкий тип просто растворился в воздухе, оставив меня в полном недоумении. До чего же некультурная личность!

Снова тяжело вздохнув, я пошел дальше. Не домой, ни куда-либо еще, а именно дальше. Что вообще такое дальше? Это не местность, не сторона света, ни какая-либо точка на карте. Люди говорят «дальше», когда хотят попасть «куда-то». Но им, собственно, всё равно, куда попадать. Но не смотря на это, хотят попасть в какое-то конкретное место, которое, к сожалению, не помечено, ни на одной из карт. Если, конечно же, какой-нибудь безумец, вроде меня, не решится нарисовать карту человеческой души.

Я просто пошел дальше и пусть мне сопутствует ветер.

И все же, я куда-то пришел. Вообще, если куда-то идти, то куда-нибудь точно придешь. Правда, это место совсем не походило на легендарно «дальше». И все-таки, я прошел мимо него. Не то что бы я был фанатом экзотического секса. Секс и секс. Что в нем особенного. Люди переоценивают его. Ох уж эти люди! Они-то хоть сами себя понимают?

Тем не менее, завернув за угол, я, на свое глубочайшее удивление, оказался сзади своего подъезда. Сзади моего подъезда секс шоп? Вот и разгадана тайна странных стонов сверху и снизу моей комнаты, надававших мне уснуть, навивая извращенные мысли.

Но тогда я лишь принял тот факт, что все окружающие меня люди извращенцы и решил ничего не предпринимать по этому поводу. Общество любит то, что само себе запрещает. Всё равно, я ведь некромант, а значит, почетный гражданин совсем другого, тебе параллельного, но так похожего на этот, мира. Который, в свою очередь, стремится уничтожить сам себя и мир людей заодно. Эх, что же скажет создатель?! Что-то на подобие: «Ну, плохо всё (жестокие маты опустим). Впрочем, сами дурашки. Я дал вам мир и жизнь, которую можно в этом мире просрать. А вы, как всегда, хотите все уничтожить. Ничего, в следующий раз получится лучше».

Я зашел к себе домой. Достал из левого кармана джинсов ключи и открыл зеленую дверь, отделявшую мою квартиру от всего остального мира. Эх, если бы это была та самая «Зелёная Дверь», о которой так много говорил Уэльс! И даже не сомневался, что там увижу Чарли, в одном только халате мутно-белого цвета с чашкой растворимого кофе с молоком в руках. Впрочем, это было даже лучше волшебного сада. У каждого своя «Зеленая Дверь», за которой

скрывается всё то, о чем ты всегда мечтал. Свою «Зелёную Дверь» я уже нашел. И большего мне не надо.

– Где пропадал? Вроде говорил, что останешься дома, – совсем не удивляясь, спросила Чарли.

– Планы меняются так же быстро, как настроение по выходным, дорогуша.

– Причем тут моё настроение, злюша?

– Не причем. Просто пытаюсь оправдаться, а ты не даёшь мне этого сделать.

Она фыркнула и сделала ещё один глоток. А я просто стоял на пороге, даже не думая раздеваться, наблюдая, как кофе исчезает в её глотке. Всё-таки, она *помогала* мне смириться со своей больной истиной. Потом решил, что глупее быть не может, разделся и спросил:

– А как ты погуляла?

– А? – она оторвалась от чашки и уставилась на меня.

– Как день провела?

– Нормально, – она вернулась к своему кофе.

Но я не мог довольствоваться столь узким запасом прилагательных и уже с нескрываемой раздражительностью, сказал:

– Нормально – это не ответ! И уж точно, не на мой вопрос. Как вообще человеческая жизнь может быть нормальной?! Она никогда ей не была и не будет! Каждая секунда – уникальна. Ни одна живая душа не пережила эту секунду так же, как ты. И если ты уверена, что все нормально, то это не нормально!

– Да ладно, хорошо-хорошо. Расскажу я тебе все, чего завелся-то!

– Вот и хорошо, сразу бы так и начал. У меня был очень загруженный день.

– Ещё нет и четырех часов.

– Разве? Да, наверное, просто еще не отвык от тех летних дней в Уркагаине, ой, в Украине. Славное было лето. Всегда так со мной. Но ты не отвлекайся, продолжай.

– Ну, в чём-то ты был прав. Обычным этот день назвать нельзя. Как только я вышла из подъезда, я увидела за углом Джесс. Она курила и плакала. Я, конечно же, подошла и спросила: «что случилось?». Она ответила, что всю ночь разговаривала с Лидой. После этого разговора, как после литературного шедевра, ей захотелось расправить крылья и улететь. А еще, мол, она решила бросить пить и курить, что это, как она говорит «цепями привязывает её к земле и к этому миру и мешает мне *двигаться* дальше».

Я начал её нахваливать, хлопать по плечу и говорить что-то на подобие «Это очень важный и ответственный шаг в твоей жизни!», «Молодец, так держать!». Но от этих слов она еще больше разрыдалась. Что-то у меня тогда в голове передернуло, и я ударила её по лицу. Мне понравилась, повторила. Но поняла, что если продолжить, это может привести к последствиям и я сказала ей: «Соберись, тряпка! Намазала сопли на кулак и вперед, Люся!». Это, как не странно, помогло. Обожаю Николая Петровича за хорошие слова. Она прекратила плакать и сказала, что будет очень сложно бросить пить и курить. Я начала обещать ей, что помогу. Правда, я до сих пор сожалею об этом. Ведь на самом деле, от меня помощи хрен дождешься. Но моя наглая ложь окончательно привела эту истеричку в чувства. Она бросила на асфальт недокурную сигарету и тут же достала из кармана новую. Я успела вытянуть её изо рта.

– Что ты, дура, делаешь?! – тогда разозлилась я.

– Извини, от привычки сложно отказаться сразу. Но я на верном пути, не так ли?

– Да, но я не смогу тебе помочь, если ты сама этого не захочешь.

– Но я хочу!

– Тогда избавься от всех остальных сигарет и в путь. Как раз, я собиралась прогуляться.

Она с большой неохотой достала из кармана полупустую пачку «Camel» и дрожащей рукой выкинула её в мусорный бак. Всё это она делала с таким лицом, как будто выкидывает не пачку палочек-антидепрессантов, а свое собственное сердце и еще пару органов в придачу.

Но справившись с этим, мы пошли гулять. Сначала, мы просто добрались до Бурбон стрит. Потом просто прошли вдоль и поперек это шумное, неуютное, но самое человеческое место в Новом Орлеане, если не во всей Америке. Вывески джазовых кафешек, как ты знаешь, были настолько соблазнительными, что просто невозможно было пройти мимо и не выпить там чашечку кофе, а то и чего-то покрепче. Вот мы и зашли в один из многочисленных джаз-клубов, где спокойно и равномерно играл блюз.

Джесс хотела заказать кофе по-ирландски. Но я так укоризненно на неё посмотрела, что она, сжав зубы, сказала черненькому бармену:

– One espresso, pleas.

Даже подумать не могла, что мой взгляд помогает людям преодолевать себя. Всегда бы так.

Мы выпили кофе, оставив в том месте, десять долларов. Чертовски дорого, но Новый Орлеан, Бурбон стрит, можно себе позволить, не так ли?

– Нет, ты меня разоришь!

– Ладно тебе, я же немного. Но, да ладно. Как только мы вышли оттуда, мы были уже не в Новом Орлеане.

– ???

– Сама не знаю, как это произошло, но мы оказались в городе. Просто в городе. Без какого-либо названия и с маленькой буквы. Возможно, у него есть название, но оно было давно забыто всеми и были таким же бессмысленным, как пить слушать песни не зная перевода слов.

Улицы там были обложены брусчаткой. Дома были не выше третьего этажа. Улицы были не узкими, но и широкими назвать их было нельзя. Повсюду были развешаны всевозможные вывески, все в пятнах. Надписи на них были выструганы и поэтому, от старости, сложно было что-либо там прочесть. Но они манили своей простотой и добросердечностью. Я смогла только прочесть надпись: «Заходи! У нас тепло и всегда весело». Отказаться от такого предложения было не невозможно, а просто невообразимо! Я посмотрела на Джесс и та одобительно кивнула, как бы читая мои мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.